

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ПОЛИТИКА РАВНЫХ ПРАВ
И ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПОЛИТИКА РАВНЫХ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН

*Допущено методическим советом
Пермского государственного национального
исследовательского университета в качестве
учебного пособия для студентов, обучающихся
по направлениям подготовки бакалавров «История»,
«Политология», «Международные отношения»,
«Государственное и муниципальное управление»*

Пермь 2022

УДК 32.019.5(075.8)
ББК 66.2я73
П504

П504 **Политика** равных прав и возможностей: политическое участие женщин [Электронный ресурс] : учебное пособие / Д. Б. Вершинина, Е. С. Бурмистрова, О. В. Тимофеева, С. А. Снигирев ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2022. – 1,26 Мб ; 105 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/Politika-ravnyh-prav-i-vozmozhnostej-politicheskoe-uchastie-zhenshchin.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3927-4

Посвящено проблемам политического участия женщин, а именно представительству женщин в законодательных органах, женской повестке в деятельности политических партий и проблемам женского политического лидерства как важным проблемам в рамках политики равных прав и возможностей.

Предназначено для студентов направлений подготовки бакалавриата «История», «Политология», «Международные отношения», а также всем, кто интересуется женскими и гендерными исследованиями в зарубежной и отечественной исторической науке, а также в целом в социогуманитарном знании.

УДК 32.019.5(075.8)
ББК 66.2я73

Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензенты: кафедра политологии, международных отношений и всеобщей истории Удмуртского государственного университета (зав. кафедрой, д-р ист наук, доцент **В. Р. Золотых**)
доцент департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, канд. ист. наук, доцент **А. А. Савчук**

ISBN 978-5-7944-3927-4

© ПГНИУ, 2022
© Вершинина Д. Б., Бурмистрова Е. С.,
Тимофеева О. В., Снигирев С. А., 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Теоретические аспекты политического участия женщин	7
Вопросы и задания.....	12
Список рекомендуемой литературы.....	13
ГЛАВА 2. Женская повестка в политических партиях	14
2.1. Политические партии Ирландии и женская повестка..	16
2.2. Британские политические партии и женская повестка....	22
2.3. Польские политические партии и проблема аборт... 32	
2.4. Ведущие немецкие партии о женской повестке.....	41
2.5. Женская повестка американских политических партий.....	45
Вопросы и задания.....	48
Список рекомендуемой литературы.....	49
ГЛАВА 3. Женское представительство в законодательных органах	51
3.1. Женское представительство на современном этапе: штрихи к портрету.....	55
3.2. Женское представительство в британской палате общин: динамика развития.....	66
3.3. Женское представительство в парламенте Ирландии.....	71
3.4. Женское парламентское представительство в Германии (кейс АдГ).....	78
3.5. Социальный портрет женщин-парламентариев России.....	81
3.6. Женское представительство в польском Парламенте.....	84
Вопросы и задания.....	89
Список рекомендуемой литературы.....	90

ГЛАВА 4. Женское политическое лидерство.....	92
4.1. Power Dressing: женские визуальные образы как политические символы в XX в. и сегодня.....	93
4.2. Женское лидерство в консервативных организациях (на примере АдГ).....	97
Вопросы и задания.....	103
Список рекомендуемой литературы.....	103

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19, развернувшаяся в мире с 2020 г., поставила вопрос об эффективности управленческих решений по борьбе с негативными проявлениями кризисной ситуации, и одним из неожиданных выводов, сделанных экспертами, было утверждение о том, что женщины-руководители справляются с пандемией эффективнее лидеров мужского пола. Так, согласно статистике, которую приводил Европейский центр по предотвращению и контролю за заболеваниями летом 2020 г., в странах, во главе которых стояли женщины, количество смертей от коронавируса было в шесть раз меньше, чем в странах с главами-мужчинами. Основываясь на этих данных, некоторые исследователи утверждали, что пандемия доказала то, о чем ученые говорили еще до 2020 г.: женское лидерство и более активная представленность женщин в политике способствуют «большей сосредоточенности политики на вопросах социального равенства, устойчивого развития и инноваций, делая общества более прочными перед угрозами внешних потрясений».

Между тем современному миру, существенно продвинувшемуся на пути представленности женщин в высших эшелонах власти, по-прежнему далеко до гендерного паритета. Согласно данным «ООН-Женщины» – специального подразделения ООН, ответственного за достижение целей гендерного равенства, на 1 сентября 2021 г. в 24 странах мира женщины являлись главами государств или правительств, что означает, что до достижения гендерного равенства в высших эшелонах власти остается 130 лет. Кроме того, женщины составили 25 % членов национальных парламентов, что говорит о значительном росте представительства женщин в законодательных органах (в 1995 г. они составляли лишь 11 % парламентариев), но при этом в 27 государствах мира депутаты женского пола насчитывали менее 10 % от общего числа членов нижней палаты законодательного органа (или однопалатного парламента).

Приведенная статистика позволяет представителям виднейших международных организаций говорить о недостаточной представленности женщин на всех уровнях процесса принятия политических решений и об отдаленности достижения цели гендерного паритета в общемировом масштабе. Внимание ООН, Европейского союза и других международных организаций к проблемам представительства женщин в национальной и локальной политике активизирует попытки обосновать значимость женского голоса в политике, которые впервые были предприняты еще на рубеже XIX и XX вв., когда женское движение сосредоточилось на задаче получения женщинами активного и пассивного избирательного права. От утверждений британского премьер-министра XIX столетия Уильяма Гладстона о том, что «включение слабого пола в политическую суматоху осквернит их природную скромность, нарушит их деликатность, чистоту, изысканность и возвышенность всей их натуры», в течение XX в. многие передовые страны не просто пришли к принятию возможности политической карьеры женщины, но и реализовали идею женского политического лидерства. В свою очередь, проблема женского участия в политике стала одной из активно изучаемых в исторической и политической науках, а расширение женского представительства на современном этапе позволяет перейти от анализа конкретно-исторических обстоятельств прихода женщин в политику к широкому кросс-национальным исследованиям.

Представленное учебное пособие предлагает именно такой – кросс-национальный – подход к феномену политической мобилизации и политического участия женщин. Главы пособия посвящены ключевым феноменам, требующим анализа в рамках политического участия женского пола в истории и современности: теоретические подходы к женскому представительству в политике, женская повестка в деятельности политических партий, женское представительство в законодательных органах власти и женское политическое лидерство. Каждая глава сопровождается заданиями и списком рекомендуемой литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН

Традиционная политическая культура, в рамках которой женщины рассматривались лишь как объект политики, приводила не только к невозможности для представительниц женского пола стать активными участницами избирательного и политического процессов, но и к игнорированию женщин в политической теории. Большинство теоретиков начиная с эпохи античности полагали, что биологические особенности женского организма не позволяют слабому полу участвовать во властных структурах, поскольку у них отсутствуют качества, необходимые для политической и гражданской активности. Тезисы об интеллектуальной, физической неполноценности женщин и их подчиненности мужчинам, таким образом, являлись реализацией доктрины сепаратных сфер, которая утверждала четкую дихотомию публичного и частного. В соответствии с ней сферой деятельности мужчин объявлялась политика, а женщины ассоциировались с частной сферой, то есть с домашней и семейной жизнью. Более того, публичная сфера политики не просто существовала без женщин, но и была настроена против них.

Однако политическая и, еще важнее, общественная активность женщин в XX столетии не просто поставила вопрос о необходимости представленности женщин, но и сделала эту задачу одной из приоритетных для всех международных организаций, а также для большинства современных партий. Так, в аналитическом отчете Совета Европы 2016 г. утверждалось, что степень представленности женщин в политической жизни является ключевым показателем гендерного равенства и полного осуществления женщинами прав человека и в то же время условием гендерного равенства, социальной справедливости и истинной демократии.

В результате развития либерального феминизма и феминизации политики в ходе второй волны женского движения 1960–

1970-х гг. впервые прозвучала идея о необходимости достижения женщинами-депутатами некоего порога представительства, который позволяет проводить дружественную женщинам политику. Программой стала работа американского политолога Ханни Питкин «Концепция репрезентации», увидевшая свет в 1967 г. Автор утверждала, что представительство в органах власти становится для групп общества инструментом утверждения самого своего существования, возможностью заявить о себе в условиях отсутствия доступа к другим ресурсам вроде силы или финансов.

Центральным поводом для дискуссий в феминистски ориентированных и более широких политологических текстах стал вопрос о том, как связаны между собой выделенные Питкин дескриптивная и содержательная репрезентации, или о том, насколько на самом деле представляют интересы конкретной социальной группы депутаты, обладающие такими же характеристиками. Осмысление значимости дескриптивного представительства женщин было результатом начавшегося еще в XIX в. спора о том, что именно лежит в основе требования равного представительства полов в политических институтах: если часть феминисток заявляли о том, что женщины ничем принципиально не отличаются от мужчин и должны находиться в парламенте как раз в силу отсутствия отличий, то другие, напротив, отмечали, что женщины привносят в политику нечто отличное от мужского опыта и на этом основании не могут быть корректно представлены мужчинами-депутатами.

Таким образом, исследователи и активистки стали осознавать значимость количественного роста числа женщин-депутатов в парламентах и формулировать идею о необходимости достижения определенного порога в дескриптивном представительстве женщин (равно как и другой маргинализируемой группы). Подобные требования традиционно связывают с теорией «критической массы», в соответствии с которой группа может заявлять о себе, лишь добившись существенного количественного предста-

вительства в законодательных органах и политике в целом. Опорными текстами для развития этой теории стали работы Розабет Мосс Кантер и Друд Далеруп, причем вторая в своей классической работе назвала порог в 30 % депутатов женского пола, который до сих пор считается традиционным порогом достижения той самой «критической массы», когда политика становится дружественной по отношению к женщинам.

Впрочем, дескриптивное представительство, как показывают конкретные кейсы, не всегда гарантирует проведение политики, ориентированной на решение женских вопросов: невозможно радикально трансформировать государственную / региональную / локальную политику по достижении определенного процента представленности той или иной группы. Кроме того, некоторые исследования фиксируют, что увеличение доли избранных женщин фактически уменьшает вероятность того, что отдельные женщины-законодатели будут действовать от имени женщин как группы, а увеличение представительства любого меньшинства вызывает больше недовольства со стороны доминирующей группы и потому может спровоцировать откат назад. Напротив, значимые изменения могут быть достигнуты и тогда, когда в парламенте находится лишь небольшое количество женщин, но их влияние значимо настолько, что они способствуют изменению политики, как, например, произошло в США 1970-х гг. Даже в чрезвычайно мужских по своему составу законодательных собраниях штатов в США женщины, как правило, более активны, чем мужчины, в поддержке законодательства, ориентированного на интересы женщин; при этом гендерные различия сужаются по мере того, как парламент становится более гендерно сбалансированным. Таким образом, «критическая масса» не нужна для представительства со стороны отдельных женщин-законодателей штатов, но увеличение разнообразия в составе представительного органа действительно может привести к изменениям в результатах политики, отражающим интересы женщин. Вместо акцента на критическом количестве депутатов женского

пола многие авторы сосредоточиваются на анализе факторов, которые могут помешать женщинам даже в относительно сбалансированном представительном органе продвигать политические меры в интересах женского пола: среди них называют партийную политику, институциональные нормы, недостаток законодательного опыта у представителей меньшинств, электоральные системы и многое другое.

Другими словами, еще более, чем дескриптивное, важно содержательное представительство: не просто обладание с представляемой группой схожими чертами, но и готовность на самом деле проводить политику в интересах этой группы. Важно не только количество женщин в парламенте, но и то, какие взгляды они разделяют. Безусловно, женщинам сложнее продвинуть собственную повестку, когда они в абсолютном меньшинстве в представительном органе, но история XX в. показывает немало примеров, усложняющих картину и свидетельствующих о том, что само по себе попадание женщин в парламент не гарантирует готовность этих женщин защищать интересы других женщин: так, в Ирландии 1920–1930-х гг. немногочисленные депутаты женского пола голосовали за консервативные реформы, которые к концу 1930-х гг. превратили молодую республику в одно из наиболее патриархальных государств западного мира, а британские исследователи, анализируя то, как голосуют мужчины и женщины, сделали вывод, что пожилые женщины гораздо более консервативны, чем их сверстники-мужчины, в то время как юные представительницы слабого пола в большей степени, чем молодые люди, склонны к поддержке левых партий.

Внимание к содержательной стороне репрезентации тем не менее не должно отменять стремление к достижению дескриптивного представительства. Свидетельством тому является установленная корреляция между высоким уровнем представительства женского пола в представительных органах страны и социальной направленностью политики государства, что демонстрируют скандинавские страны. Норвежский политолог Хельга М.

Хернес впервые использовала понятие «государства, дружественного женщинам» в 1987 г. и отметила, что высокий уровень представительства женщин в законодательных и исполнительных органах власти позволяет им менять политику государства, которое в итоге внедряет широкие меры социальной поддержки женщин вообще, матерей с детьми в частности, а также престарелых и других групп населения, нуждающихся в социальной помощи. Ф. Гардинер и М. Лейенар связали политику дружественного женщинам государства с таким явлением, как «культура равенства», определив ее как наличие политической воли со стороны государства и общества к разработке и реализации мер, направленных на достижение равного распределения экономических, социальных и политических ресурсов между мужчинами и женщинами.

Большинство исследований, посвященных проблеме женского представительства в законодательных органах, показывают, что в странах, имеющих пропорциональную систему политического представительства (особенно по партийным спискам), избирается гораздо больше женщин-парламентариев, чем в странах с мажоритарной системой, поскольку многомандатные избирательные округа, где может быть избрано более одного кандидата, способствуют успеху женщин на выборах, в отличие от одномандатных, где избирается только один кандидат. Однако и проведение выборов по партийным спискам само по себе отнюдь не гарантирует женщинам победы, поскольку их кандидатуры могут быть расположены в самом конце электорального списка, играя чисто декоративную роль.

В реальности, получив равные с мужчинами политические права, женщины не нарушили традиции мужского большинства в парламенте и не изменили правил «политической игры», то есть женщины по-прежнему не являются равноправными участниками политического процесса. В связи с этим политологи говорят о том, что женщины в реализации своих политических прав сталкиваются с дополнительными препятствиями, которыми могут

быть рабочее время и условия труда парламентариев, предвзятость, с которой политические партии проводят отбор кандидатов в парламент. Исследования показывают, что многие женщины сами недооценивают свой потенциальный вклад и значимость их опыта. Гораздо реже, чем мужчины, женщины претендуют на должности национального уровня, хотя они компетентны в такой же степени, что и мужчины.

Таким образом, сочетание количественного и качественного анализа состава национального парламента позволяет выявить степень ориентированности политики государства на решение проблем женщин, таких как репродуктивная политика, борьба с домашним насилием, обеспечение мер для сокращения гендерного разрыва в оплате труда.

Вопросы и задания

1. В чем проявляются преимущества / недостатки гендерных квот в законодательных органах власти? Аргументируйте свой ответ. Напишите короткое эссе о том, нужны ли гендерные квоты сегодня для большего процента участия женщин в политике.

2. Можно ли считать современную ситуацию с представленностью женщин в политике кризисом политического равноправия? Приведите примеры за и против. Если затрудняетесь с примерами, прочитайте интервью Марион Ро (www.envila.iatp.by/g_centre/another1/article17.htm).

3. Существует очень известный феномен, ограничивающий продвижение карьеры женщин и называемый «стеклянным потолком». Охарактеризуйте его и приведите примеры данного феномена в политической сфере.

Список рекомендуемой литературы

1. Степанова Н. М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. С. 185–192.
2. Жидкова Н. Г. Избирательная система, политические партии и представительство женщин: теоретический аспект. *Политическая наука*. 2003. № 1. С. 126–143.
3. Шведова Н. С. Политические партии и гендерное равенство // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 4. С. 21–30.
4. Cammisa A. M., & Reingold B. Women in state legislatures and state legislative research: Beyond sameness and difference // *State Politics & Policy Quarterly*. 2004. No. 4(2). P. 181–210.
5. Ford L. *Women and politics: The pursuit of equality*. Routledge, 2018.
6. Githens M., Lovenduski J., & Norris P. *Different roles, different voices: Women and politics in the United States and Europe*. Longman, 1994.
7. Kerevel Y. P., & Atkeson L. R. Explaining the marginalization of women in legislative institutions // *The Journal of Politics*. 2013. No. 75(4). P. 980–992.
8. Krook M. L. *Electoral quotas and beyond: Strategies to promote women in politics* // *Women, politics, and democracy in Latin America*. Palgrave Macmillan, New York, 2017. P. 15–27.
9. Lawless J. L., & Fox R. L. *It takes a candidate: Why women don't run for office*. Cambridge University Press, 2005.
10. Matland R. E., & Montgomery K. A. (Eds.). *Women's access to political power in post-communist Europe*. Oxford University Press, 2003.
11. Randall V. *Women and politics*. Macmillan International Higher Education, 1987.

ГЛАВА 2. ЖЕНСКАЯ ПОВЕСТКА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ

Культура равенства напрямую связана с теми мерами, которые принимают политические партии для увеличения представительства женщин в их составе, а также в составе парламента и правительства. Левые партии во всех европейских странах на порядок опережают правые в стремлении к организованному вовлечению женщин в политику вообще и в дела каждой партии в частности.

Считается, что существует три ступени поощрения женского участия в политической жизни со стороны партий: 1) риторическая (декларативная) стратегия, которая проявляется в призывах ликвидировать или хотя бы сократить женское неравенство во власти и формируется в выступлениях лидеров и документах партий; 2) стратегия позитивных действий, к которым относится побуждение самих женщин выставлять свои кандидатуры, организация финансовой помощи женщинам-кандидатам, проведение для них конференций и семинаров; 3) стратегия позитивной дискриминации, которая включает в себя прежде всего квотирование, а также другие меры, относящиеся к формированию партийных списков и т.д.

Партии правых и центра чаще всего полагаются на риторические стратегии и иногда на позитивные действия. При этом они считают, что женщин необходимо лишь поощрять за выдвижение своих кандидатур, а членов партий – за избрание женщин. Политика таких партий основана на представлении о минимальной роли правительства в процессе выдвижения кандидатов и поддержке лишь риторических стратегий. Такую точку зрения выражала, например, представительница Консервативной партии Великобритании Марион Ро: «Я считаю, что женщины должны конкурировать с мужчинами естественным путем. Они не должны

подражать мужчинам. Это худшее, что может случиться. Я не согласна с тем, что женщины должны получать особые привилегии. Они должны находиться в равном положении с мужчинами»¹.

По контрасту левые партии активно применяют стратегию позитивной гендерной дискриминации, подразумевающую использование квот для выдвижения кандидатов в члены парламентов и при назначении во внутренние партийные руководящие органы: квоты приняли социалисты во Франции (20 %), левые социалисты и лейбористы в Норвегии (40 %), Партия труда в Нидерландах (25 %), социал-демократы в Германии (40 %) и т.д.

Одной из причин большей предрасположенности левых партий к проведению политики позитивной дискриминации является их более эгалитарная идеология. Хотя большинство сторонников квот признают, что они не являются справедливыми по отношению к тем мужчинам, которые выдвигают свои кандидатуры, тем не менее они говорят о необходимости проведения политики позитивной дискриминации хотя бы как временной чрезвычайной меры. Левые партии представляют иную, в отличие от правых, концепцию равенства, суть которой состоит в том, что акцент делается на возможности достижения не «равенства возможностей», а «равенства результата». Аргумент состоит в том, что равные возможности не появляются только потому, что формальные барьеры устраняются. Комплекс скрытых барьеров, так же как и прямая дискриминация, не позволяют женщинам добиваться своей справедливой доли политического и иного влияния. В связи с этим для создания равных (одинаковых) возможностей необходимо различное отношение к женщинам и мужчинам: если существуют реальные особые барьеры, то необходимы и реальные особые, то есть специальные меры, по сути компенсационные, для обеспечения равных возможностей достижения равного результата.

¹ По М. Интервью. URL: www.envila.iatp.by/g_centre/another1/article17.htm (дата обращения: 15.01.2022).

Доказательством эффективности политики позитивной дискриминации может служить тот факт, что все страны, имеющие высокий уровень представительства женщин в законодательных органах, в той или иной форме проводят подобную политику. При этом используются различные способы обеспечения представительства женщин в парламентах:

1. В стране могут быть приняты законодательные квоты, согласно которым женщины должны составлять определенную часть избранных в парламент представителей. Такая практика в английской терминологии получила название ‘zipping’. Такие квоты (т.е. поддерживаемые законом нормы представительства) обычно воспринимаются как переходный механизм для закладки основ более широкого представительства женщин.

2. Политические партии могут принимать свои собственные неформальные квоты для женщин-кандидатов на парламентское место. Это наиболее частый механизм, используемый для поощрения участия женщин в политической жизни, и он используется, как уже было отмечено, с различной степенью успешности по всему миру.

2.1. Политические партии Ирландии и женская повестка

Прокламация Ирландского государства, провозглашенная во время Пасхального восстания, определила идею гендерного равенства, что означало верность ирландских революционеров идеям предоставления женщинам избирательного права. Продолжала идеи прокламации и Конституция Шинн Фейн, которую приняли в 1917 г. и в которой заявляли, что равенство мужчин и женщин в этой организации будет подчеркиваться во всех выступлениях и листовках.

Когда в январе 1918 г. жительницы Соединенного Королевства получили ограниченное право голоса (с 30 лет и при условии замужества или владения собственностью), это изменение коснулось и женщин Ирландии, правда, применительно к выборам в британский парламент. Именно ирландка и член партии «Шинн

Фейн» Констанс Маркевич стала первой представительницей женского пола, избранной в палату общин Великобритании, однако она так и не приняла участие в заседаниях парламента, поскольку отрицала легитимность действий британского органа власти по отношению к Ирландии и была сторонницей революционной борьбы ирландского народа.

Победа Маркевич на выборах 1918 г., впрочем, была исключительным явлением, поскольку партии, решения в которых принимались мужчинами, неохотно выставляли женщин-кандидатов или предпочитали отправлять их в безнадежные округа, что, например, произошло с другой кандидаткой от Шинн Фейн Уинифред Карни. Еще меньше вписывалось в общую тенденцию занятие Маркевич министерского поста (в 1919 г. она вошла в состав первого Дойл Эрен, создание которого было провозглашено Шинн Фейн, и вплоть до 1921 г. занимала пост министра труда в революционном ирландском правительстве), поскольку в следующий раз женщина будет назначена на министерский пост в Ирландии лишь в 1979 г. (представительница партии «Фианна Файл» Мэйр Геогеган-Куинн в этом году будет назначена министром по делам говорящих на ирландском языке сообществ).

Ощущая несправедливость ситуации, когда Шинн Фейн, признававшая роль женщин в революционной борьбе и провозглашавшая равенство, номинировала в 1918 г. всего двух женщин-кандидаток, на выборах 1921 г. феминистки развернули активную кампанию по выдвижению большего количества кандидатов женского пола, и в результате во второй состав Дойл Эрен было выбрано шесть женщин, включая К. Маркевич и мать одного из главных организаторов Пасхального восстания Патрика Пирса Маргарет Пирс. В самом парламенте шесть женщин активно участвовали в дебатах по поводу англо-ирландского договора о признании власти Лондона над Ирландией и консолидированно выступили против него, что не только настроило мужчин-депутатов против них, но и привело к неудачному выступлению женщин на выборах 1922 г.

В результате ирландские женщины оказались отодвинуты от решения политических вопросов, и молодое государство, возглавляемое мужчинами-католиками, взяло курс на восстановление традиционного разделения сфер активности мужчин и женщин. Апофеозом консервативного взгляда на женщину стала Конституция 1937 г., в которой доктрина раздельных сфер была увековечена как элемент фундамента независимого государства. К этому моменту в Дойл Эрен находились три депутата женского пола: Бриджет Мэри Редмонд (Фине Гэл), сестра Патрика Пирса Маргарет Мэри Пирс (Фианна Файл) и Хелена Конканнон (Фианна Файл). Их согласие с депутатами-мужчинами по вопросу о традиционалистском повороте ирландской гендерной политики (как и согласие депутатов женского пола в 1920-е гг., когда этот поворот начался) единодушно осуждается историками, в том числе и потому, что такой ценой они гарантировали себе стабильную и долгую политическую карьеру (более 25 лет) в нижней и верхней палатах национального парламента.

Ситуация в Ирландии начала меняться на рубеже 1960–1970 гг. В 1968 г. в стране был сформирован Ирландский специальный комитет по правам женщин, под влиянием интенсивной кампании и политического лоббирования со стороны которого тогдашний премьер-министр от партии «Фианна Файл» Джек Линч учредила 31 марта 1970 г. Первую комиссию по положению женщин. К 1972 г., опираясь на данные многочисленных женских организаций, Комиссия представила правительству доклад, состоявший из 49 рекомендаций, и глава 8 доклада была посвящена проблеме участия женщин в ирландской политике. Авторы доклада во главе с Теклой Бир отмечали низкий уровень видимости женщин в ирландской политической жизни и в качестве метода решения проблемы предлагали создать интенсивную программу гражданского и политического образования на всех уровнях.

Деятельность Комиссии по положению женщин, совпавшая с моментом вступления Ирландии в ЕЭС, традиционно считается решающим моментом для начала реализации в Ирландии политики по обеспечению гендерного равенства. Вместе эти события способствовали ускорению проведения социально-экономических реформ, обеспечивающих равную оплату труда равной ценности, социальное обеспечение для вдов, одиноких матерей и др. Все эти меры свидетельствовали о развороте правившей тогда партии «Фианна Файл» в сторону политики гендерного равенства, однако и это не способствовало существенному притоку женщин в ирландскую политику. О неготовности ведущих политических партий Ирландии пойти на решительные шаги в отношении женщин свидетельствует и тот факт, что в 1983 г. в Конституцию Ирландии была внесена поправка, фактически запротивившая аборт в стране, а в 1986 г. на референдуме была отклонена поправка о разрешении разводов. Жесткую поправку 1983 г. предложили депутаты оказавшейся к тому моменту в оппозиции Фианна Файл, а в 1986 г. Финне Гэл, хотя и инициировала референдум 1986 г., не вела активную кампанию за легализацию разводов, так как боялась критики со стороны епископов католической церкви, в то время как Фианна Файл, официально заявив о нейтралитете, на самом деле поддерживала противников разводов, что в совокупности и привело к провалу поправки.

Низкая политическая активность ирландок (которую исследователи объясняют недостаточной вовлеченностью женщин в экономические отношения и их высокой религиозностью) не позволяла ведущим партиям увидеть в них важную часть электората, а значит – ориентироваться в политике на интересы женщин. Значимым был и тот факт, что обе ведущие политические партии, попеременно сменявшиеся у власти, находились на правом фланге политического спектра, а потому были не готовы перейти к политике квотирования, которая могла бы увеличить

женское представительство. Ситуацию принципиально не изменило даже избрание на пост президента Ирландии известного левого политика Мэри Робинсон (занимала пост с 1990 по 1997 г.), а затем – представительницы Фианна Файл Мэри Патрисии Мак-Элис (занимала пост с 1997 по 2011 г.).

В отличие от Фине Гэл и Фианна Файл, левые партии перешли к политике квот еще в 1980–1990-е гг., когда осознали необходимость расширения электората. Так, Ирландская лейбористская партия в середине 1980-х гг. впервые провозгласила в качестве своей цели номинирование женщин-кандидатов по меньшей мере в 25 % случаев на местных выборах, а в начале 2010-х гг. увеличила план до 30 % (правда, на выборах 2011 г. цель не была достигнута). Имея квоты и для исполнительных партийных органов, лейбористы включили в свою предвыборную программу на выборах 2011 г. обещание добиться введения квот для всех политических партий на национальном уровне. К этому моменту, впрочем, практически все партии пришли к осознанию необходимости осуществить прорыв в женском представительстве в ирландской политике.

Благодаря докладу и изменившейся ситуации в 2012 г. по инициативе правящей коалиции Фине Гэл и лейбористов было принято решение о внесении поправок в закон о выборах, которые, как и обещали лейбористы в своем предвыборном манифесте, поставили государственное финансирование политических партий в зависимость от гендерного состава их кандидатов на выборах в Ойряхтас: отныне партии, среди кандидатов от которых менее 30 % женщин или 30 % мужчин, теряют половину получаемого финансирования, а с 2023 г. требуемая квота вырастет до 40 %.

Против принятия билля, предложенного Фине Гэл и лейбористами, выступили многие депутаты Фианна Файл, в то время как представители Шинн Фейн горячо поддержали законопроект. Среди аргументов членов Дойл Эрен, критиковавших идею квот,

звучали слова об угрозе превалирования женщин в парламенте, сомнения по поводу необходимости наказывать партии за то, что женщины сами не идут баллотироваться, в то время как их оппоненты отмечали необходимость нового взгляда на многие проблемы, который могут предложить женщины, признавали, что партии являются мужскими институтами и что это необходимо изменить. На финальном голосовании в Дойл Эрен билль был принят большинством в 72 % присутствовавших членов нижней палаты (78 депутатов проголосовали за, 30 – против).

Результатом принятия поправок стало существенное увеличение числа кандидатов женского пола от политических партий Ирландии на следующих всеобщих выборах 2016 г. Все политические партии приняли квотирование как новую политическую реальность, и, хотя критика системы квот присутствовала и продолжает присутствовать в ирландском обществе и среди ирландской политической элиты (особенные опасения вызывает увеличение квоты с 2023 г.), выборы 2016 г. показали, что интеграция гендерных квот в процесс избрания партийных кандидатов (женщин среди кандидатов было на 90 % больше, чем в 2011 г.) действительно способствовала существенному приросту числа депутатов парламента женского пола (на 30 %).

Впрочем, выборы 2020 г., во время которых как минимум одно женское имя присутствовало в списках кандидатов во всех избирательных округах, не позволили существенно увеличить женское представительство в нижней палате Ойрхтаса (в Дойл Эрен оказалось всего лишь на одну женщину больше по сравнению с составом 2016–2020 гг.), а это свидетельствует о том, что система квотирования может реализовываться партийными функционерами формально и женщины-кандидаты оказываются в неперспективных округах. Неудачно на выборах выступали кандидаты женского пола от Фине Гэл, Фианна Файл, лейбористов и «зеленых», в то время как женщины – кандидаты от социал-демократов и Шинн Фейн, напротив, были успешнее своих

коллег мужского пола, а Мэри Лу Макдональд стала первой женщиной, возглавившей партию на всеобщих выборах. Таким образом, можно сделать вывод, что введение квот законом 2012 г. позволило увеличить представительство женщин в парламенте, однако не может считаться финальным решением проблемы женского представительства. Другими словами, хотя в стране на сегодня существует одна из наиболее жестких систем гендерных квот, перед современными ирландскими партиями продолжает стоять задача изменения гендерных представлений общества в целом и политической элиты в частности, без которого система квотирования не может стать полностью эффективной.

2.2. Британские политические партии и женская повестка

В странах с устоявшейся партийной системой, к которым относится Великобритания, политическая активность женщин в XX в. направлялась в русло уже существующих политических партий, в которых им разрешалось быть индивидуальными членами местных организаций и одновременно вступать в женские секции, но их деятельность обычно не оказывала влияния на партийную политику на высоком уровне. Даже Лейбористская партия, несмотря на риторическую приверженность идеям равенства, и в идеологии, и в стиле работы оставалась маскулинной по духу, что было связано с тесной опорой партии на массовые тред-юнионы, особенно традиционные индустриальные союзы с доминирующим мужским составом, обеспечивавшие ее и финансами, и большой массой членов. В качестве модели политического лейбористского активиста выступал член тред-юниона, промышленный рабочий, мужчина.

Однако нельзя говорить о том, что в стране не принималось никаких мер по разработке и реализации политики равенства полов. Уже в 1970-е гг., когда у власти преимущественно находились лейбористы, последовало распространение разнообразного

законодательства о равных возможностях. Прежде всего, следует назвать Акт о равном вознаграждении за труд равной ценности (The Equal Pay Act), принятый в 1970 г. В 1975 г. лейбористским правительством был принят Акт о дискриминации по признаку пола, который запретил дискриминацию индивида в сферах занятости, образования, обеспечения имуществом, возможностями и услугами. Кроме того, еще в 1969 г. лейбористским правительством была образована Женская национальная комиссия, которая получила статус главного совещательного органа по женским вопросам при правительстве.

Приход к власти в 1979 г. консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер обозначил новый виток в развитии политики равенства полов. Это было связано с распространением экономического и политического подходов «новых правых» к пониманию роли и обязанностей государства. Руководство консерваторов приняло подход к антидискриминационной политике, который согласовывался с его идеологическими установками. Тереза Горман, депутат британского парламента с 1987 г., замечала, что единственная реальная возможность для женщины получить продвижение внутри партии – это стать чьим-либо помощником, своего рода личным секретарем и что консерваторы не склонны принимать женщин-политиков всерьез.

Иную позицию по отношению к женскому вопросу в 1980-е годы заняла Лейбористская партия. Женщины сумели воспользоваться процессом модернизации, начатым Нилом Кинноком в середине 1980-х гг. и продолженным Джоном Смитом и Тони Блэром, чтобы включить свои требования в программу партии. После нескольких подряд поражений на всеобщих выборах лейбористы осознали необходимость расширения своей поддержки, в том числе и среди женщин, чего можно было добиться, лишь преодолев представление о себе как о маскулинной партии. Традиционно лейбористы всегда более одобрительно относились к использованию позитивных действий, чем консерваторы: в 1918 г.

в Национальном исполкоме партии было зарезервировано четыре места для женщин (с 1937 г. – пять). Однако только в 1980-е гг. развитие расовой и гендерной политики привело к требованию квот на всех уровнях партии.

В 1981 г. в Лейбористской партии происходит кризис, апогеем которого становится партийная конференция в Уэмбли, внедрившая новые механизмы выбора лидеров партии. Эта принятая мера вынудила часть влиятельных партийных функционеров покинуть ряды лейбористов, и в марте 1981 г. была создана Социал-демократическая партия (СДП), руководители которой объявили о включении в избирательный список от партии не менее двух женщин, что привлекало избирательниц к голосованию за новую партию.

В апреле 1983 г. Национальный исполком Лейбористской партии опубликовал Хартию об установлении равенства для женщин внутри партии, поставив целью увеличить участие женщин на всех уровнях партии. В 1987 г. в своем предвыборном манифесте Лейбористская партия дала обещание в случае прихода к власти создать в стране Министерство по вопросам женщин. В этом же году ежегодная конференция партии приняла правило об обязательном включении женщин в короткие списки (списки из пяти претендентов на место кандидата на выборах от партии в избирательных округах), которое было реализовано через два года. Правило устанавливало, что там, где женщины вообще выдвигались в число парламентских кандидатов в своей местной организации, по крайней мере одна женщина должна войти в последний короткий список для интервьюирования.

В 1989 г. ежегодная конференция партии приняла комплексную резолюцию, которая предусматривала, что женщины должны составлять по крайней мере половину официальных руководителей на уровне отдельных ячеек партии и половину депутатов от ячеек, выдвинутых на собрании местных организаций партии в избирательных округах. Местные организации должны

были выбирать одну делегатку-женщину на ежегодную конференцию партии минимум раз в два года. Профсоюзы должны были включать женщин в состав делегаций на конференции партии пропорционально числу женщин среди членов данного профсоюза. В исполкоме действуют, согласно резолюции, три вида квот: резервируются пять мест специально для женщин; три избираемых от местных организаций члена исполкома и четыре от профсоюзов должны быть женщинами. На выборах теневого кабинета, в которых участвуют все лейбористы-парламентарии, каждый из них должен обязательно проголосовать за четыре женские кандидатуры. Данная резолюция стала переломным моментом в британских предвыборных кампаниях, после которого политики начинают бороться за внимание избирательниц путем активного включения женщин в правительство и уделять больше внимания проблемам женщин в предвыборных манифестах.

К 1990 г. после процесса консультаций партия одобрила целевую установку о том, что в 2000 г. женщины должны составить 40 % всех лейбористских членов парламента. Чтобы приблизиться к выполнению этой квоты, конференция 1993 г. приняла решение ввести при составлении списков претендентов на место кандидата от партии в том или ином округе короткие списки, состоящие из одних женских имен, в половине своих «переходящих по наследству» округов (где ранее избранные лейбористские депутаты по тем или иным причинам не переизбираются) и в половине своих «наиболее надежных» округов. На протяжении последующих двух лет политика женских коротких списков была реализована в 35 избирательных округах.

Против политики женских коротких списков в 1993 г. выступил Национальный профсоюз горняков; кроме того, эту политику публично критиковали такие лейбористские лидеры, как Нил Киннок и Рой Хэттерсли, и некоторые профсоюзные руково-

дители, в том числе Артур Скаржилл. В январе 1996 г. Промышленный трибунал города Лидс, рассмотрев жалобы двух обиженных мужчин-претендентов, объявил использование женских коротких списков не соответствующим закону 1975 г. «О дискриминации по признаку пола». Национальный исполнительный комитет Лейбористской партии не стал оспаривать решение трибунала, но при этом отказался провести перевыборы в тех 35 избирательных округах, где женщины уже были выбраны в соответствии с новыми правилами. В результате применения исключительно женских коротких списков всеобщие выборы 1 мая 1997 г. ознаменовались необычайно большим числом избранных в палату общин женщин.

Признание политики женских коротких списков незаконной привело к тому, что в 1997–2001 гг. Лейбористская партия настаивала на равном представительстве мужчин и женщин в парламентских коротких списках. В итоге на выборах 2001 г. произошло уменьшение числа избранных в палату общин женщин, хотя оно было не столь значительным, как того опасались, поскольку было избрано лишь на две представительницы женского пола меньше.

После запрещения политики позитивной дискриминации партии заинтересовались вопросом о законности любых позитивных мер при выборе кандидатов. К выборам 2001 г. Лейбористская партия включила в свой манифест обязательство по улучшению законодательных рамок процесса выбора кандидатов, и 26 февраля 2002 г. был принят новый акт «О дискриминации по признаку пола (в отношении кандидатов на выборах)», который разрешил политическим партиям, если они желают, принимать любые позитивные меры для уменьшения неравенства среди мужчин и женщин. При этом партии не обязаны вводить политику позитивной дискриминации. Действие закона в 2010 г. было продлено до 2030 г. и распространяется на выборы в палату общин,

шотландский парламент, Национальную ассамблею Уэльса, Ассамблею Северной Ирландии, Европейский парламент и на местные правительственные выборы (исключая мэров и общественные советы в Шотландии).

Что касается второй крупной британской партии, то консерваторы традиционно рассматриваются многими историками как патриархальная организация с шовинистско-мачистскими устремлениями. Выборы 1997 г. наглядно продемонстрировали слабую восприимчивость консерваторов к переменам и постепенную потерю ими женского электората.

Вплоть до 1992 г. консерваторы традиционно получали преимущество именно за счет женских голосов (к примеру, наибольший разрыв в предпочтениях избирательниц демонстрируют выборы 1992 г., когда 48 % женщин проголосовали за консерваторов и лишь 34 % отдали свои голоса лейбористам). Подсчеты убедительно свидетельствуют о том, что если бы в течение XX в. британкам не предоставили право голоса, то весь период с 1945 по 1979 г. был бы временем правления Лейбористской партии, за которую тогда голосовало большинство британцев мужского пола. Однако с начала 1990-х гг. Консервативная партия начала достаточно быстро терять женские голоса, особенно поддержку молодых избирательниц. Уже на выборах 1992 г. молодые женщины в массе своей голосовали за лейбористов (их было на 13 % больше тех, кто проголосовал за консерваторов), в то время как молодые мужчины, наоборот, склонялись к консерваторам. При этом противоположная ситуация наблюдалась среди избирателей среднего и старшего возраста: 56 % женщин старше 55 лет отдали свои голоса консерваторам и во многом обеспечили победу своей партии на выборах.

Выборы 1997 г. стали первыми за послевоенную историю страны, когда за лейбористов проголосовало на 12 % больше женщин, чем за консерваторов, а в 2005 г. впервые за консерваторов

проголосовало больше британцев, чем британок (на 2 %). Подобные изменения в электоральных предпочтениях большинством исследователей расцениваются как симптом серьезнейшего кризиса гендерной политики Консервативной партии Великобритании, назревавшего в течение всего XX столетия.

Все это заставило партийных функционеров Консервативной партии в 2005 г. фактически повторить поведение лейбористов 1980-х гг., а именно начать борьбу за избирательниц, немислимую без борьбы за увеличение женского представительства в парламенте. Этапной в этом отношении стала речь нового лидера партии Дэвида Кэмерона 12 декабря 2005 г. в Лидсе (через шесть дней после официального провозглашения лидером партии), в которой было заявлено о начале ширококомасштабной кампании по увеличению количества женщин – членов парламента от консерваторов и о необходимости так называемых позитивных действий, к которым относится побуждение самих женщин выставлять свои кандидатуры, организация финансовой помощи женщинам-кандидатам, проведение для них конференций и семинаров и т.д. Но самое главное – это заявление лидера партии о том, что в половине из 50 наиболее надежных консервативных округов кандидатами должны стать женщины, которых до этого традиционно отправляли в самые бесперспективные округа.

Увеличением числа своих представительниц в парламенте, где сейчас находятся 17 женщин-консерваторов и 98 лейбористок, Консервативная партия пыталась ответить на вызовы современной многоликой Британии, апеллировать к которой уже немисливо без учета таких групп британского населения, как женщины и этнические меньшинства. В основе радикальных реформ Кэмерона – «Тони Блэра для тори», как поспешила окрестить молодого лидера пресса, – лежала, по его собственному утверждению, идеология «сострадательного консерватизма». Создание по инициативе члена парламента Терезы Мэй женской

консервативной организации Women2Win, нацеленной на увеличение числа женщин-консерваторов в парламенте, получило одобрение со стороны Комиссии по равным возможностям.

Однако феминизация Консервативной партии, хотя и выразилась в выборе Терезы Мэй на пост лидера партии в 2016 г., тем не менее не привела к радикальной трансформации облика партии. Так, консерваторы до сих пор не пришли к идее использования гендерных квот, а потому имеют самое незначительное женское представительство среди фракций ведущих партий в палате общин (24 % по итогам выборов 2019 г.). Либеральные установки партии приводят ее членов и лидеров к постоянному акценту на ценностях традиционной семьи, а установка на жесткую экономию финансов не позволяет развернуть широкую социальную политику, направленную в том числе на женщин. И хотя после выборов 2010 г., на которых консерваторы заняли первое место, женщины стали составлять 22 % от всех депутатов парламента (146 из 650 человек), это не было в первую очередь результатом деятельности консерваторов: больше всего женщин-депутатов приходилось на фракцию лейбористов (86 из 169), на втором месте находилась Консервативная партия (47 из 257), и от либеральных демократов в парламент вошло семь женщин (7 из 50) (рис. 1). Результаты выборов коррелировали с количеством накопившихся «женских» проблем (борьба с домашним насилием, равная оплата труда и пр.), которые требовали решения.

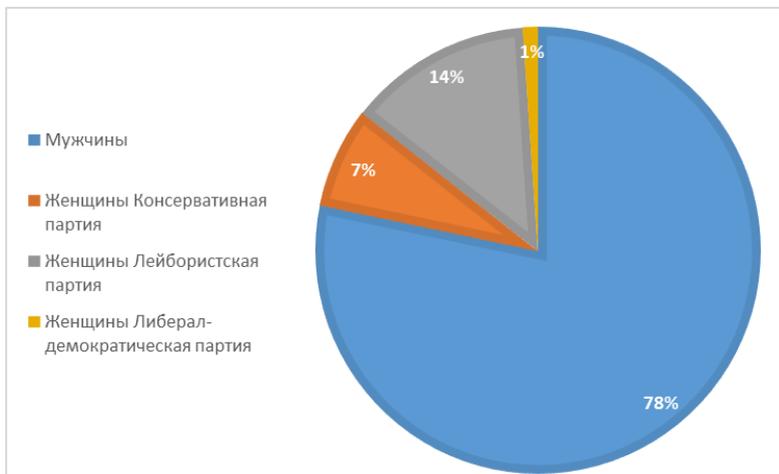

Рис. 1. Количество женщин в британском парламенте в 2010 г.

По результатам выборов 2015 г. в палату общин была избрана 191 женщина, а вновь возглавивший Кабинет Дэвид Кэмерон назначил женщин на 7 из 22 постов. Однако, несмотря на возросшее представительство женщин в национальном парламенте, они по-прежнему составляли меньшинство на остальных уровнях британской политической системы, что ярко свидетельствовало о неготовности правивших консерваторов принципиально менять ситуацию с женским представительством. Об этом же свидетельствовали и результаты досрочных выборов 2019 г., по итогам которых женщины составили 33 % депутатов в палате общин (229 из 650 человек), из которых больше всего представительниц приходится на фракцию лейбористов (118 из 243). Женщины – депутаты Консервативной партии заняли лишь 87 мест (рис. 2).

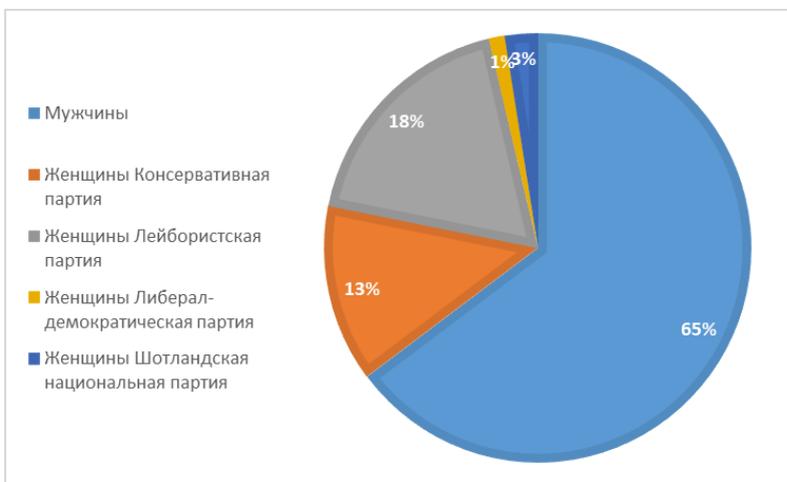

Рис. 2. Количество женщин в британском парламенте в 2019 г.

Высокую активность сегодня проявляют женщины и в остальных оппозиционных партиях Великобритании. Например, во фракции от Шотландской национальной партии 16 из 35 мест занимают женщины, и при этом лидером партии является женщина – Никола Стерджен. Партия либеральных демократов во главе с возглавлявшей ее тогда Джо Суинсон получила 20 мест в парламенте, восемь из которых занимают женщины. Партия «зеленых» представлена одним депутатом-женщиной Каролин Лукас. Популярность последних трех перечисленных оппозиционных партий определяется в том числе и включением женской повестки в их программы, а в случае с Либерально-демократической партией – еще и реализацией политики гендерного квотирования.

2.3. Польские политические партии и проблема аборт

Из всего спектра женской повестки для Польши наиболее горячей является именно проблема аборт в силу высокого уровня религиозности населения. По данным доклада Европейской комиссии, в 2005 г. более 80 % населения Польши называли себя верующими. Согласно отчетам Института статистики католического костела, в стране в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом на 1,6 % выросло число верующих, принимающих регулярное участие в воскресной мессе, что составило 38,3 % католиков. Это означает, что не менее 400 000 поляков в 2017 г. регулярно принимали участие в этом таинстве.

Аборты в Польше запрещены с 1993 г. Действующий сегодня Устав о планировании семьи, охране человеческого плода и условиях допущения прерывания беременности от 7 января 1993 г. называют компромиссным, так как в его содержании представлены позиции, удовлетворяющие одновременно позициям и сторонников, и противников аборт. С точки зрения этого акта аборт в стране до недавнего времени были легальны в нескольких случаях, а именно: аборт возможен, если беременность угрожает жизни и здоровью матери; аборт возможен, если известно о неизлечимых болезнях, угрожающих жизни плода; аборт также может быть осуществлен, если беременность стала результатом преступления. Таким образом, в Польше с 1993 г. (с перерывом на полгода в 1997 г.) действует один из самых жестких в Европе законов в этой области.

По крайней мере, с 2015 г. в политическом поле Польши конкурируют между собой две основные партии, идеологическое противостояние которых исследователи называют «польско-польской войной». Право и справедливость (ПиС) братьев Качинских, так же как и Гражданская платформа (ГП), созданная бывшим премьер-министром Польши, бывшим председателем Европейского союза Дональдом Туском, относятся исследователями к правой части политического спектра. Однако если ГП не делает

акцента на вопросах идеологии и посвящает себя главным образом вопросам экономического благополучия граждан, то ПиС прямо обозначает свою приверженность христианско-демократической, национально-католической, консервативной традициям.

22 октября 2020 г. Конституционный суд Польши принимает решение о том, что пункт закона об абортах, связанный с неизлечимыми болезнями плода, противоречит польской конституции, гарантирующей право на жизнь. Активные протесты, в первую очередь в столице, начинаются в тот же вечер, но очень быстро распространяются на всю страну. Поскольку именно вопрос абортов вызывал в обществе горячие споры на протяжении длительного времени, крайне реактивно отреагировали и высказались в тот же день по вопросу представители разнообразных политических сил и интересов.

Одними из первых о нарушении абортный компромисса высказались вице-премьер инфраструктуры Мартин Хорала, а также – представитель ПиС, и парламентарий, делегат Сейма от Гражданской коалиции, организатор «черного понедельника» 2016 г. Барбара Новацка. По словам Новацкой, теперь каждая беременная женщина будет пребывать в состоянии страха, поскольку теперь не будет иметь реального доступа к пренатальным исследованиям. Кроме того, в состоянии страха теперь будут пребывать врачи, опасаясь кары за проводимые ими процедуры. Новацка была в электоральном 2019 г. инициатором объединения оппонентов правящей партии – партий «Гражданская платформа», «Современная» и «Польская инициатива» – в Гражданскую коалицию. Также 26 января 2019 г. была подписана Январская декларация, в соответствии с которой участники коалиции обязались прилагать все усилия для того, чтобы равные права женщин и мужчин в публичной жизни стали наконец фактом. Таким образом, от Новацкой ожидаемым выглядит призыв к врачам не бояться оказывать помощь женщинам, поскольку, с ее точки зрения, достоинство женщины и ее семьи должно быть приори-

тетом для государства. Кроме того, Новацка заявляла, что Гражданская коалиция будет работать над тем, чтобы каждая поляка чувствовала себя в безопасности, оставаясь в рамках закона. Представитель ПиС ожидаемо выразил свое согласие с вердиктом Конституционного суда.

Программа Права и справедливости от 2019 г. содержит множество социальных бонусов для различных категорий населения – начиная с наиболее популярных «Семья 500+», «Хороший старт», «Малыш+» и прочих, а также «Мама 4+», однако названные программы предназначены скорее для семьи, чем для женщины, опосредовано – для женщины. ПиС также заявляет о равноправии в труде, обещая создавать благоприятную среду труда для родителей без различия пола: «Наше желание – сделать так, чтобы полякам не приходилось выбирать между семьей и профессией», – говорится в программе ПиС. Материнская пенсия – это первый проект, трактующий работу по воспитанию ребенка как профессиональный труд, что позволяет делать пенсионные отчисления. Такое утверждение программы спорно, так как поощряет длительный уход за ребенком и потому уход женщины с рынка труда. ПиС называет демографический рост важной целью. Исходя из этого, программа партии предлагает такие революционные возможности для беременных женщин, как бесплатные лекарства, а также специальные меры околотородовой опеки.

Мартин Хорала, принимавший участие в теледебатах с Новацкой, заявил, что решение Конституционного суда его обрадовало и иное решение ему трудно было бы вообразить. Таким образом, Хорала выразил свою поддержку «пролайферам»², ссылаясь на 38-й артикул польской Конституции, гарантирующей каждому человеку жизнь. По его мнению, «даже гражданин, пребывающий в пренатальной фазе жизни, а также тот, кто болен, получает правовую защиту его жизни». Выразил свое отношение к евгенике как к способу устранять больных и увечных, говоря о

² Пролайф (*англ.* Pro-life) – общественное движение, нацеленное на запрет или ограничение абортот.

том, что именно эту оговорку из Устава о планировании семьи и изымает своим решением Конституционный суд. При этом Хорала напомнил, что женщина, лишаящаяся теперь права на аборт в связи с тяжкими болезнями плода, может рассчитывать на всевозможную поддержку государства, в том числе его программы «За жизнью», на психологическую поддержку и комплексную опеку над женщинами с тяжелой беременностью. Таким образом, оглашенная в день решения Конституционного суда позиция представителя ПиС выглядит вполне ожидаемой и отражает настроения более консервативно настроенной части общества.

При этом несколько сложнее давать оценку позиции, озвученной Барбарой Новацкой. Новацка избрана в парламент от Гражданской коалиции, в названном интервью высказывается от ее имени, коалиция в рамках упомянутого выше соглашения ранее заявляла о защите прав женщин, однако наиболее значимым элементом Гражданской коалиции является собственно партия «Гражданская платформа», которая не содержит в своей программе ни специального «женского» раздела, ни тем более особых пунктов о свободе абортов. Гражданская платформа, следовательно, представляет достаточно консервативную политическую силу как минимум в вопросе о правах женщин. Партия «Польская инициатива», лидером которой является Новацка, не представляет серьезной самостоятельной политической силы, поэтому позицию Новацкой следует расценивать, скорее, в рамках ее деятельности как активистки и многолетней участницы борьбы за права женщин.

Особо следует оценить реакцию на решение Конституционного суда в отношении абортов партии «Союз демократической левицы» (СЛД). Группа из восьми представительниц партии в парламенте страны провела акцию, в молчании стоя в парламентском коридоре, выразив таким образом свое отношение к принятому вердикту. Продолжая деятельность по визуальному обозначению своей позиции, посланницы Левицы повесили на перилах в Сейме фото парламентариев, которые подписались под

внесенным в Конституционный суд предложением оценить пункт о медицинских проблемах плода устава об абортах на конституционность. Во время состоявшейся в связи с хеппенингом конференции представительница Левицы Анна Мария Жуковска подчеркнула, что портреты 119 парламентариев на перилах были размещены на вешалках для одежды, поскольку именно этот предмет многие годы служил женщинам для проведения процедуры аборта в ситуациях, когда это было невозможно сделать легально. Вице-президент парламентского клуба Левицы Беата Мачеевска подчеркнула, что ее парламентская группа ранее полгода вносила в парламент проект, либерализующий ситуацию с абортами.

Так называемая Левица занимает в Польском сейме текущей каденции 24 кресла из 460. Как минимум после 2015 г. Левица не может реально влиять на политику страны, не имея достаточного представительства в парламенте и своего президента. При этом из представленных в действующем парламенте партий именно Левица имеет наиболее явно выраженную позицию в женском вопросе и вопросе аборт. Программа Левицы – одна из немногих программ польских политических партий, которая содержит специальный раздел «Права женщин», а также параграф в нем, посвященный праву на аборт. Программа Левицы говорит о крайне радикальном для Польши решении вопроса аборт: «мы введем безопасное прерывание беременности, зависящее исключительно от решения женщины на сроке до 12 недели беременности, а после 12 недели – в случае угрозы жизни или здоровью женщины или тяжелых медицинских проблем плода». Иными словами, среди политических партий максимально радикально свое отношение к «женской забастовке» и вопросу аборт и женской повестке вообще высказали представители далеко не самой влиятельной политической силы в стране.

Гражданская платформа тем не менее выразила свое отношение к развернувшимся протестам разнообразными способами. 26 октября 2020 г. на сайте ГП появилось заявление в отношении

протестов. С точки зрения ГП, люди вышли на улицы после оглашения решения Конституционного суда, потому что власть их не слышит, а решение суда в отношении абортот ударило по безопасности и достоинству женщин, нарушило их ощущение, что государство заботится о слабых и достоинстве граждан. По их мнению, граждане, выходящие на «женскую забастовку», протестуют в защиту своего права на выбор, и ГП не согласна с непропорциональной реакцией служб безопасности на спонтанные протесты. Полиция должна служить обществу, а не быть оружием власти, говорится в тексте ГП. Далее ГП объявляет об организации скоординированной правовой помощи во время вмешательства служб в ходе протестов: «Наши офисы открыты, звоните нам, мы поможем юридически задержанным. Также мы будем на улицах помогать при задержаниях и защищать демонстрантов и их право на свободу и чувство безопасности в государстве». Важно отметить, что мы не наблюдаем явно высказанного отношения к вопросу абортот. Свою защиту юристы ГП предлагают демонстрантам при взаимодействии с властью, с полицией во время задержаний, но, в отличие от Левицы или Польской инициативы, не ведут речь о необходимости либерализации в вопросе абортного законодательства.

Определенной формой поддержки женского протеста, с известными оговорками, можно считать решение мэра Варшавы о размещении с 27 октября на всех городских трамваях и автобусах государственных флагов. По заявлению Рафала Тшасковского, это – знак солидарности с «женской забастовкой». Рафал Тшасковский – представитель ГП и кандидат от ГП на последних президентских выборах, проигравший нынешнему президенту страны Анджею Дуде менее 3 % голосов. Мэр обратился также к полиции с просьбой о разумном поведении во время уличных акций. Заявления видного представителя одной из двух крупнейших партий в стране нельзя снимать со счетов, однако мы вновь не видим четкой позиции в вопросе об абортот, при явно обозначенной солидарности с протестующими.

Значительно более острой по сравнению с другими политическими силами выглядит реакция на «женскую забастовку» представителей правящей партии «ПиС». Председатель партии «ПиС» Ярослав Качинский 27 октября заявил, что решение Конституционного суда соответствует Конституции, и иного решения поэтому быть не могло. По его мнению, те, кто призывает к участию в протестах, призывает к общественной небезопасности, а значит, к совершению преступления, так как все собрания более чем пяти человек в период пандемии коронавируса запрещены и могут стоить жизни тысячам людей. Кроме того, Качинский обратился ко всем членам ПиС и всем, кто их поддерживает, принять участие в защите костела. Качинский имел в виду, что именно костелы быстро стали местом, где выступали протестующие с митингами и пикетами. Качинский апеллирует к той же аргументации, к какой прибегает полиция во взаимодействии с протестующими: протесты недопустимы в связи с санитарной ситуацией в стране и мире.

Таким образом, однозначное несогласие с протестами обозначают представители партии, ставшей инициатором изменений в абортном законодательстве. О поддержке протестующих заявляют их основные политические конкуренты, однако они не демонстрируют готовности поддерживать легализацию законодательства. Определенно в поддержку как протестующих, так и их позиции, высказываются не самые значимые политические силы в стране. Как и в случае с «черным понедельником» 2016 г., основные политические силы страны проявляют себя консервативно в остром вопросе женской повестки. «Женская забастовка» вслед за «черным понедельником» организуется силами общественных организаций с помощью мощнейшей сетевой активности.

Однако со временем Гражданская платформа, основной конкурент правящей партии, отреагировала на изменения в вопросе абортов изменением повестки в женском вопросе. Решение польского Конституционного суда было опубликовано 27 января

2021 г. и с этой даты вступило в силу. Именно с этого момента компромисс в отношении абортс был нарушен. Внутри ГП, до того времени придерживавшейся компромисса 1993 г., назрели изменения в отношении к проблеме абортс. Платформа придерживалась линии компромисса главным образом потому, что внутри не была монолитной по этому вопросу. Споры внутри партии усилились именно благодаря решению Конституционного суда. Часть представителей партии, близких к Левице, в том числе Рафал Тшасковски, вице-президент партии, пришли к выводу, что необходимо либерализовать ситуацию, поскольку компромисс уже нарушен силами ПиС. При этом консервативное крыло партии, и в их числе бывший шеф партии Гжегож Схетныя, не выражало согласия на либерализацию и на аборт по требованию. Они подготовили собственную позицию по вопросу абортс: с одной стороны, они критикуют решение Конституционного суда, а с другой – выступают против свободы абортс. По заявлениям консерваторов из ГП, в связи с вопросом абортс партия оказалась в кризисе. Консерваторы желали бы возврата к ситуации компромисса 1993 г., и выходом, на их взгляд, мог бы стать референдум. Государство, по их мнению, обязано помогать в воспитании и опеке детей, системно поддерживать женщин и семьи, а также гарантировать сексуальное образование и доступ к контрацепции, и в этом консерваторы из ГП сближаются по многим пунктам с позицией ПиС.

В результате 18 февраля 2021 г. на пресс-конференции представители ПП огласили совместную позицию. В партийных дебатах победу одержали условные прогрессисты, и ГП официально сменила отношение к вопросу об абортс: ГП – за либерализацию законодательства. При этом в декларации ГП были гарантированы свобода совести тем членам партии, кто не согласен с этим решением, и возможность голосовать свободно по этому вопросу в случае победы оппозиции на будущих выборах, поскольку партия не является монолитной, как и отметил руководитель партии Борис Будка. Одновременно партия желает внести

два важных дополнения в закон: аборт возможен, если беременность угрожает психическому здоровью женщины; если в крайне трудной личной ситуации женщина принимает решение об аборте, то таковой возможен после консультации с психологом и врачом. Как заявила делегат ГП в Сейме Изабела Лешчына, ГП рассчитывает, когда придет к власти, ввести так называемый пакет прав женщин. В него войдут бесплатный доступ к контрацепции, пренатальным исследованиям, сексуальное образование в школе, поддержка пар, решившихся на инвитро, и, собственно, либерализация абортного законодательства. По словам представителей ГП, изменить программу партию вынудило нарушение компромисса со стороны ПиС, которое, в свою очередь, заставило женщин выйти на митинг и стать героинями.

Таким образом, «женская забастовка», начавшаяся осенью 2020 г., потенциально способна внести изменения в политический расклад сил. Ужесточение законодательства об абортах, которое повлекло за собой женские протесты, главным образом вызвало реакцию тех сил, которые и ранее явно высказывались о необходимости свободы абортов, то есть Левицы и крыла Гражданской коалиции «Польская инициатива», – сил, обладающих скромной электоральной поддержкой. Свою поддержку протестующим с точки зрения права граждан на выбор, поддержку женскому протесту высказывали также и представители ГП. В более продолжительной перспективе, не публикуя решение Конституционного суда, ПиС, правящая партия, демонстрировала неуверенность. Возможно, именно это привело к эволюции в позиции ГП в вопросе абортов и их сближению в этом вопросе с Левицей. Вопрос абортов в Польше невозможно считать решенным: продолжаются протесты, 11 ноября 2021 г. Европарламент высказывается в отношении решения Конституционного суда Польши как о вызывающем вопросы в отношении его правомочности, на рассмотрении Польского сейма находятся два новых проекта в отношении абортов. При этом вопрос в силу его обще-

ственной значимости приводит к изменениям в программах партий и рассматривается как возможность изменения расстановки сил в стране.

2.4. Ведущие немецкие партии о женской повестке

Политические партии Германии, долгое время находившиеся под политическим лидерством Ангелы Меркель, в своей риторике часто исходят из того, что поддержание гендерного равенства является ключевой задачей общества. Понимание женской повестки в деятельности немецких партий имеет весьма широкий характер: это семейная, социальная, образовательная и правовая, а также экономическая политика.

Значительная часть мер, связанных с женским равноправием, носит экономический характер. Одной из главных проблем признается несоответствие экономических мер по поддержке семей современным условиям. Так, в программе Социал-демократической партии Германии (СДПГ) говорится о том, что «налоговое законодательство способствует традиционному разделению труда между мужчинами и женщинами». Среди мер, предлагаемых для решения этих проблем, – принцип равной оплаты труда равной ценности и закон о прозрачности оплаты труда. С точки зрения СДПГ, помимо неравных возможностей в сфере оплаты труда еще одним препятствием на пути гендерного равенства является недостаточная представленность женщин в высших эшелонах власти и бизнеса. В качестве решения этой проблемы предлагается введение квот в политике, что позволит «представителям всех полов в равной степени участвовать в принятии политических решений» и бизнесе, так как «успешный бизнес требует гендерного равенства и культурного разнообразия рабочих команд». Также важной составляющей по обеспечению равных женских прав для СДПГ становятся изменения в области семейных отношений. Здесь они предлагают «модель четырех столпов, чтобы больше времени проводить в кругу семьи». Основные со-

ставляющие этой программы: две недели отпуска по уходу за ребенком непосредственно после его рождения для отцов, «семейное рабочее время», предполагающее повышенный коэффициент для заработной платы в случае, если оба родителя работают, продление оплачиваемых больничных в случае заболевания ребенка, оплачиваемый отпуск по уходу за болеющими родственниками. Особенностью мер в области семейной политики является особый акцент на вовлечении мужчин в проблемы семьи и снятие ответственности за детей и родственников с исключительно женских плеч.

Христианско-демократический союз Германии (ХДС), придерживающийся более центристских позиций, в своей программе отдельно не сосредотачивается на женских правах. Права женщин упоминаются лишь в разделе семейной политики, главные задачи которой обеспечить условия для того, чтобы уделять больше времени друг другу, для лучшего совмещения семьи и работы, освобождения от налогов и пошлин и в дальнейшем укрепить центры дневного ухода за детьми.

Гораздо больше внимания женской повестке уделяется в программе праворадикальной партии «Альтернатива для Германии». В большей мере положению женщин посвящены два раздела – «Семья и дети» и «Школы, вузы и научно-исследовательская работа». Также женщинам посвящены отдельные пункты в таких разделах, как «Внешняя политика и политика безопасности», «Рынок труда и социальная политика», «Культура, язык и национальная идентичность».

В программе заостряется внимание на том, что в современном мире «неправильно понятого феминизма» под угрозой оказывается не только семья как институт. Феминизм, в его современном понимании, по мнению правых, вреден и для женщин, так как он в первую очередь ценит женщин лишь как рабочую силу и обходит вниманием, даже дискриминирует женщин, не работающих, а занимающихся семьей и домашним хозяйством. Альтернатива для Германии ставит перед собой задачу укрепить

роль таких женщин в обществе и вернуть к идеалу традиционной семьи. Отмечая, что «центром нынешней семейной политики в Германии является женщина, занятая полный рабочий день», немецкие правые говорят о том, что это негативно сказывается на воспитании детей. Они призывают создать в обществе условия, как экономические, так и социальные, которые позволят существовать «реальной свободе выбора», когда родители или один из родителей будет принимать решение о том, хочет ли он заниматься исключительно воспитанием детей, или хочет совмещать это с работой. Важно отметить, что, несмотря на то, что в данных пунктах обычно используется выражение «один из родителей», пункт 6.5, посвященный проблемам совмещения работы и детей, озаглавлен как «Прекращение дискриминации матерей-домохозяек», что явно выдает предпочтения правых в отношении того, кто должен заниматься воспитанием. В данном пункте приведен перечень, согласно которому присматривать за ребенком может любое частное лицо: «и родители, и близкие родственники (в частности, бабушки и дедушки), и няни, и гувернантки», однако ключевая роль остается за родителями. В целом, в программе Альтернативы для Германии провозглашается поддержка совмещения семьи и трудовой деятельности, однако только при том условии, что трудовая деятельность родителя, а значит и женщины-матери в первую очередь, не ставит под сомнение его как воспитателя, ответственного за ребенка. В то же время правые готовы поддерживать одиноких родителей в области налогообложения и социального страхования, однако выступают против современной тенденции пропагандировать такую форму семьи как нечто прогрессивное.

По проблеме аборт Альтернатива для Германии дает однозначный ответ: «приоритетной целью является защита нерожденной жизни». Из программы партии следует, что допустимыми формами аборта, на их взгляд, являются аборты по медицинским и криминологическим основаниям. Прерывание беременности по

социальным причинам напрямую не осуждается, однако указывается, что аборт является травматичным опытом с множеством негативных последствий. В связи с этим Альтернатива для Германии выступает против государственной поддержки абортов. Защита человеческой жизни, по их мнению, начинается со стадии эмбриона, а потому право на аборт не может быть включено в права человека.

Что касается области культуры и образования, здесь главным врагом немецких правых радикалов выступает «гендерная идеология». В программе отмечается политическая направленность гендерных исследований, в связи с чем они признаются не отвечающими научным критериям. Также в программе подчеркивается, что гендерная идеология вступает в противоречие с традиционными ценностями, столь важными для немецкой культуры, а потому не должна поощряться государством и преподаваться в школах. Введение квот, о котором выше уже говорилось как об одном из компонентов расширенных возможностей женщин для участия в политике и общественной жизни, также расценивается правыми радикалами отрицательно. «Равенство должно вновь означать равные возможности» – этого принципа придерживаются немецкие правые. Заявляя о том, что равные возможности для мужчин и женщин гарантированы Конституцией, они призывают отказаться от таких «неэффективных, несправедливых и способствующих ущемлению прав» проявлений гендерной идеологии, как гендерный мейнстриминг, квоты и изменение языка путем добавления в него гендерно-нейтральных слов. Интересно при этом отметить, что к равным правам, гарантированным Конституцией, правые радикалы предлагают добавить одно: при восстановлении обязательной военной службы для мужчин женщинам должна быть дана возможность добровольно поступать на службу в армию.

В программе Альтернативы для Германии одна из главных «болевых точек» немецких правых – ислам – также опосредо-

ванно связана с положением женщины. Один из пунктов программы отдельно сосредоточивается на одном из символов ислама, на борьбу с которым направлены действия и правых радикалов, и радикальных феминисток, – парандже. Немецкие правые призывают запретить ношение паранджи в общественных местах, так как она не только препятствует сосуществованию мусульманских женщин в немецком обществе, но и «как религиозно-политический символ подчинения мусульманских женщин мужчинам несовместим с интеграцией и равноправием женщин и девушек, а также со свободным развитием личности».

Таким образом, немецкие партии не игнорируют в своих политических программах женский вопрос. Среди главных проблем, ассоциируемых с женской повесткой, – семья и равная оплата труда. Значительное внимание реализации равных прав женщин в сфере бизнеса и экономики уделяет в своей программе СДПГ, что связано с ее левой ориентацией. Много внимания уделено женским правам и в программе Альтернативы для Германии, активно использующей проблематику гендерного равноправия с целью смягчения своего имиджа и актуализации антимигрантской повестки.

2.5. Женская повестка американских политических партий

На современном этапе женская повестка в американском политическом контексте рассматривается в тесной взаимосвязи с проблемой семейных ценностей, которая не теряет для американских политических партий своей актуальности. Так, еще в своей программе 2004 г. республиканцы говорили о том, что «семьи являются краеугольным камнем нашей [американской] культуры – кирпичиками, из которых строится наше сильное общество. Именно благодаря семье дети усваивают ценности и идеалы, а также базовые уроки, которые помогают им учиться на протяжении всей жизни. Мы считаем, что каждый ребенок заслуживает шанса родиться и вырасти в любящей семье». Вторили им и демократы, утверждавшие, что семья является ключевым понятием

для американца. «Семья – это центр повседневной американской жизни. Наши родители – наши первые защитники, первые учителя, первые образцы для подражания и первые друзья. Родители знают, что главная награда Америки – это тихое, ни с чем не сравнимое удовлетворение, которое приносит их семьям лучшая жизнь. Сильные семьи, наделенные возможностью, руководствуясь верой и наполненные мечтами, являются сердцем сильной Америки».

Говоря о семейной политике, демократы обращают внимание на то, что в центре такой политики должны быть не только матери, но и отцы. «Мы поддерживали общественные и религиозные группы, ориентированные на отцовство, сотрудничали с предприятиями, чтобы предоставить отцам возможность проводить время со своими детьми в боулинге или на футбольном поле, и работали над тем, чтобы помочь отцам общаться с их детьми. Мы все заинтересованы в установлении более прочных связей между отцами и их детьми». Такая поддержка, по мнению демократов, поможет создать более здоровые и активные семьи. Республиканцы же и вовсе говорят о том, что полноценной семья может быть только в том случае, если в воспитании ребенка участвует отец. «Дети в домах без отцов с большей вероятностью совершают преступления, бросают школу, становятся жестокими, беременеют в подростковом возрасте, употребляют незаконные наркотики, попадают в нищету или испытывают эмоциональные или поведенческие проблемы». И хотя республиканцы «восхищаются храбростью» родителей-одиночек, их основные усилия направлены на защиту прав традиционных, «полноценных» семей.

Еще одна центральная тема дебатов по вопросам семейных ценностей – это поддержание института брака. В первую очередь, республиканцы говорят о необходимости сохранения традиционного института брака. «Наши законы и нормативные акты нашего правительства должны определять брак как союз одного мужчины и одной женщины и активно продвигать семейную жизнь в

браке как основу стабильного и процветающего общества». Республиканцы прочно стоят на позициях пролайф и выступают за ограничение и отмену легальных аборт. «Защита нерожденной жизни» является одним из главных приоритетов для республиканцев.

Демократы в свою очередь, говоря об институте брака, выступают также за консультативную поддержку семей: «...мы должны предоставлять гранты религиозным организациям, чтобы помочь супружеским парам укрепить свой брак, стать лучшими родителями и уменьшить насилие в семье». Уделяя в своих программах внимание меняющейся американской семье, демократы призывают сосредоточить свои усилия на том, что действительно важно – на экономической поддержке. Например, демократы выступают за борьбу со «штрафом за брак» – ситуацией, в рамках которой супружеская пара платит больше налогов, чем они платили бы поодиночке. Внимание к финансовой составляющей брака тесно связано с ключевым посылом демократов: «...пора перестать просто говорить о семейных ценностях и начать проводить политику, которая действительно ценит семьи». Демократы активно поддерживали принятие закона «О здоровых семьях» и расширение закона «Об отпуске по семейным и медицинским причинам», выступая за экономическую поддержку семей с детьми. Также они считают необходимым сделать уход за детьми более доступным за счет целенаправленного снижения налогов. В целом, по их мнению, главной заботой должно стать экономическое обеспечение американской семьи: за счет различных льгот, изменений в налоговой системе, финансовой поддержки со стороны государства.

Ценности защиты женских прав также относятся к приоритетам американских демократов. Так, некоторые пункты политической платформы демократов в разделе «Исцеление души Америки» целиком посвящены защите женских прав. Одним из главных средств борьбы за женские права для демократов становится ратификация поправки о равных правах (ERA), предложенной

еще в 1923 г., и закрепление гендерного равенства в Конституции США. Также основными задачами для достижения гендерного равенства становятся: борьба с неравенством в оплате труда путем увеличения штрафов против компаний, дискриминирующих женщин; прекращение домашнего и других видов насилия в отношении женщин, включая «насилие в отношении коренных американских женщин и цветных женщин-трансгендеров». Кроме того, демократы защищают репродуктивную свободу женщин и выступают за сохранение права на легальный аборт.

Таким образом, можно говорить о том, что в американской политической повестке женская проблематика преимущественно рассматривается сквозь призму семейной политики. Американские партии много внимания уделяют тому, какой должна быть современная семья, какие экономические инструменты необходимо использовать для ее поддержания, какие ценности она должна воспроизводить. Проблемы гендерного равенства обозначены лишь в программе демократов, признающих необходимость защиты и поддержания женских прав, в отличие от республиканцев, не уделяющих женщинам отдельного внимания и рассматривающих гендерную проблематику лишь сквозь призму семейных отношений.

Вопросы и задания

1. На сегодняшний день страны Западной Европы являются прибежищем для мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе и женщин, которые имеют свои устоявшиеся культурные и религиозные паттерны поведения. Приведите позиции политических партий европейских стран по отношению к данному вопросу. Найдите общие аргументы для правых и левых партий.

2. Политик из США Венди Дэвис сказала об абортах следующее: «Хорошие аборт не должны вызывать противоречивых

мнений, но должны защищаться законом». Согласны ли вы с данным высказыванием? Приведите аргументы за и против этого мнения.

3. Большинство женщин-политиков Западной Европы поддерживают и популяризируют женскую повестку как на локальных, так и на национальных уровнях политического представительства. Приведите несколько примеров такого представительства, произошедших за последний год в стране / вашем городе.

4. Польша и Ирландия считаются в Европе странами с достаточно высокой степенью религиозности населения. Польша по сей день и Ирландия по 2018 г. имели одно из самых жестких в Европе законодательств в вопросе аборт. Можете ли вы прокомментировать, есть ли связь между двумя явлениями? Можете ли вы назвать, какие еще вопросы из женской повестки могли / могут сталкиваться с противодействием в странах, отличающихся высоким уровнем религиозности?

Список рекомендуемой литературы

1. Вершинина Д. Б. Консервативная партия Великобритании и «женский вопрос» // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2008. № 7. С. 20–25.

2. Чикалова И. Р. Идеология и политические действия британских консерваторов и лейбористов в отношении женщин // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 371–395.

3. Akkerman T. Gender and the radical right in Western Europe: a comparative analysis of policy agendas // *Patterns of Prejudice*. 2015. No. 49(1-2). P. 37–60.

4. Akkerman T., & Hagelund A. ‘Women and children first!’ Anti-immigration parties and gender in Norway and the Netherlands // *Patterns of Prejudice*. 2007. No. 41(2). P. 197–214.

5. Arnot M., & Miles P. A reconstruction of the gender agenda: the contradictory gender dimensions in New Labour's educational and

economic policy. *Oxford Review of Education*. 2005. No. 31(1). P. 173–189.

6. Cowell- Meyers K. The Contagion Effects of the Feminist Initiative in Sweden: Agenda- setting, Niche Parties and Mainstream Parties // *Scandinavian Political Studies*. 2017. No. 40(4). P. 481–493.

7. Keller H., Heri C., & Christ M. Fifty Years of Women at the European Court of Human Rights: Successes and Failures of the Council of Europe’s Gender Agenda // *Identity and Diversity on the International Bench*. Oxford University Press, 2020. P. 179–206.

8. Mahony P. Recapturing imaginations and the gender agenda: Reflections on a progressive challenge from an English perspective // *International Journal of Inclusive Education*. 2003. No. 7(1). P. 75–81.

ГЛАВА 3. ЖЕНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

В условиях все большей видимости различных групп населения, заявляющих об отсутствии у них равных прав и возможностей, международное сообщество обращает пристальное внимание на репрезентативность законодательных и исполнительных органов власти в отношении подобных миноритарных групп. Анализ состава представительных органов в динамике позволяет сделать вывод о процессах обновления политической элиты той или иной страны и возможности для выходцев из социальных групп, занимающих недоминирующее положение, влиять на процесс принятия политических решений и в то же время ставит вопрос о репрезентативности законодательных органов с точки зрения представленности в них разнообразия групп общества.

Вопросы элитологии, интересовавшие видных ученых XX в. и осмысленные в ряде классических работ, в новейшей политической науке едва ли могут считаться полем для бурных дискуссий. И все же нарастающее противоречие между диверсифицирующимся обществом и все более отрывающейся от него прослойки обладающих властными и экономическими ресурсами в начале XXI в. становится поводом для нового обращения социологов к проблемам рекрутирования элиты, о чем писал еще В. Парето, формулируя свою теорию циркуляции элит. Именно с этой точки зрения актуальным становится исследование того, как быстро и до какой степени готова парламентская элита обновляться, под влиянием каких факторов это обновление происходит и отражается ли качественно на деятельности представительных органов.

Участие женщин в политике и представительных (а тем более исполнительных) органах власти – это вызов устоявшимся стереотипам о женском и мужском предназначении. Биограф первой женщины в британском парламенте Нэнси Астор пишет о ее «невероятном мужестве, необходимом, чтобы противостоять

враждебности – мелочной, упорной и часто злобной со стороны ее коллег по Палате общин. Враждебность исходила в основном от ее собственной партии. Среди консерваторов был негласный консенсус по поводу того, что женщина-депутат по своей природе не права. Идея состояла в том, чтобы охладить ее пыл, добиться максимального смущения и унижения и таким образом убедить избирательные округа не выбирать других женщин-кандидатов. Консерваторы, которых она так хорошо знала, отвернулись от нее».

Почти через сто лет после Астор в британском парламенте как институте мало что изменилось: в 2017 г. разгорелся крупный Вестминстерский скандал, когда выяснилось, что в обеих палатах распространенной практикой были буллинг³ и сексуальные домогательства. Отголоски конфликта слышны и по сей день: так, осенью 2021 г. было заявлено, что новые парламентарии отныне обязаны проходить курс по предотвращению харассмента⁴ в течение первого года работы в Вестминстере (а давно сидящие на своих местах члены парламента должны проходить курс раз в три года). Аналогичные случаи, связанные с домогательствами, высокомерными и сексистскими фразами, отказом воспринимать женщин-парламентариев как равноправных коллег, фиксируются и в других парламентах. Одной из наиболее громких историй было выступление Александры Окасио-Кортес, члена палаты представителей США с 2019 г., в ответ на грубые комментарии республиканца Теда Йохо в ее адрес.

Таким образом, несмотря на увеличение представительства женщин (и других меньшинств), представительные учреждения зачастую продолжают оставаться закрытыми элитарными клубами с ограниченным доступом, или, как пишут исследователи о

³ Буллинг (*англ.* Bullying) – агрессивное преследование и издевательство над одним из членов коллектива со стороны другого, но также часто группы лиц.

⁴ Харассмент (*англ.* Harassment) – поведение человека, причиняющее неудобство или даже вред другому человеку, нарушающее неприкосновенность его частной жизни.

британской палате общин, – «клубами пожилых мальчиков» (old boys' clubs). В таких обстоятельствах количественный критерий оказывается значимым, поскольку чем меньше женщин в парламенте, тем меньше у них шансов изменить политическую культуру, процветающую в представительном учреждении. Отсюда приверженность многих левых партий (начиная с 1980-х гг.) идее гендерного квотирования, которое, с их точки зрения, может исправить ситуацию с представленностью женского пола в парламенте и, как результат, в национальной политике. При этом, по мнению авторов, позиция партий по вопросу продвижения женщин в политику может играть более значимую роль, чем уровень развития женского движения в стране: во Франции и Уганде, характеризующихся слабым уровнем развития женского движения, в местных органах власти представлено большое количество женщин, а Индия и США, где женское движение развито в высокой степени, характеризуются низким уровнем представленности женщин в политике.

Интересно, что существенно раньше к идее гендерного квотирования в XX в. пришли социалистические страны во главе с СССР: так, исследования участия женщин в партийных органах, проведенные социологом Галиной Силласте, демонстрируют, что еще начиная с 1930-х гг. существовала строго определенная пропорция распределения женщин и мужчин во всех партийных организациях, за исключением ЦК и Политбюро, однако женская квота была негласной и отсутствовала в официальных документах. Впрочем, включение женщин в число партийных представителей должно было продемонстрировать решенность женского вопроса в стране, однако в реальности деятельность женщин-депутатов советского периода едва ли позволяет говорить о дескриптивной, а тем более содержательной репрезентации женщин в политике. Об этом же писала М. Молинье, обращая внимание на существенное количество женщин, включенных в политический процесс в социалистических странах в периоды, когда не-

зависимая деятельность женского гражданского общества подавлялась при однопартийных правительствах. Ю. Градскова отмечает, что система «политического равноправия мужчин и женщин в ее советском варианте характеризовалась прежде всего отсутствием женщин как коллективного актора – действующего субъекта, привносящего в политику свою субъектность и защищающего свои интересы», и важно отметить влияние этого феномена на восприятие женщины-политика и в современной России. Так, сравнивая пути попадания женщин в политику Франции и России, исследователи отмечают, что несформированность в современной России институциональных механизмов продвижения женщин в политику и власть приводит к тому, что российские женщины чаще «следуют» за ситуацией, а их попадание во власть – результат стечения благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии. Кроме того, женщины-политики в современной России не стремятся позиционировать себя как представительниц женского пола, не поднимают вопросы гендерного равенства, часто высказываются в защиту патриархальных ценностей, следуя за политическим курсом страны и проявляя лояльность по отношению к продвинувшим их мужчинам-политикам.

В отличие от России, и западные, и незападные демократии нацелены в современном мире на расширение женского представительства. Исследователи отмечают, что для признания в качестве значимого игрока на мировом рынке требуется искренняя приверженность построению устойчивого общества, что обязательно требует просвещенной политики в отношении положения женщин во всех слоях общества. К примеру, правительство ОАЭ открыто заявляет о первостепенном значении гендерного равенства, что закреплено и в Конституции, гарантирующей женщинам равный с мужчинами правовой статус. В рамках укрепления своей позиции лидера по показателям гендерного равенства в регионе с 2019 г. указом президента ОАЭ была установлена обяза-

тельная квота при выборах и назначении депутатов в Федеральный национальный совет в 50 %. Такая политика в первую очередь связана с тем, что основной целью ОАЭ – страны, характеризующейся влиянием иностранного капитала и большим присутствием экспатриантов, – является соответствие европейским «стандартам» для расширения международного сотрудничества. В русле этой тенденции правительство ОАЭ стремится расширить женские права, однако на самом деле они не заходят достаточно далеко, чтобы ликвидировать глубокую дискриминацию в отношении женщин в законодательстве и на практике.

Еще в конце 1980-х гг., исследуя политическую культуру различных стран, Г. Алмонд и С. Верба утверждали, что политически компетентная, осведомленная и активная женщина выглядит существенным компонентом гражданской культуры и можно лишь предполагать, какие последствия за собой повлечет «вживание» женщин в политику. В начале XXI в. участие женщин в политическом процессе стало распространенным явлением, и оно требует анализа не только количественных, но и качественных параметров женского представительства. Различия между женщинами-политиками в странах Западной, Восточной Европы и Северной Америки, а также корреляцию между региональной / государственной спецификой и уровнем женского представительства можно выявить, проведя анализ эмпирического материала.

3.1. Женское представительство на современном этапе: штрихи к портрету

Для того чтобы создать портрет женщины, участвующей в представительных органах власти в XXI в., была собрана база данных по включенности женщин в политические партии и национальные парламенты (верхняя и нижняя палаты), в которую были включены данные по женщинам-политикам, являющимся лидерами и депутатами от политических партий шести разных стран: Великобритании, Ирландии, Германии, Польши, США и

России с 2017 по 2021 г. На 2020 г. распределение стран по доле женщин-парламентариев выглядит следующим образом: Великобритания (34 %), ФРГ (31 %), Польша (29 %), США (27 %), Ирландия (23 %) и Российская Федерация (16 %).

Для создания общей характеристики женщин в представительных органах власти в базе данных зафиксированы такие показатели, как возраст, семейное положение, количество детей, а также религиозная принадлежность. Г. Алмонд и С. Верба отмечают, что образование увеличивает частоту признания политических обязательств, поэтому выбор уровня образования в качестве одного из показателей в перспективе сможет подтвердить это предположение. Кроме того, в базе данных учитывается наличие у женщины профессионального опыта вне политики.

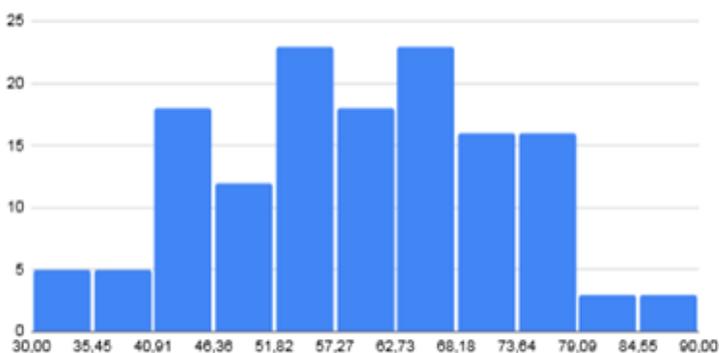

Рис. 3. Средний возраст женщины-парламентария

Средний возраст женщины-политика в рассматриваемых странах составляет 53 года, при том, что наибольшее количество депутатов женского пола находится в промежутке от 53 до 56 лет (рис. 3). Такие показатели вполне соотносятся с тенденцией к омоложению возраста избираемых политиков. Отмечается, что, несмотря на то, что средний возраст мировых лидеров с 1950-х гг. во всем мире увеличился, для Европы характерна противоположная тенденция. Начиная с 1980-х гг. средний возраст ее лидеров снижается и сейчас значительно ниже среднемирового. Это

также характерно для показателей женского возраста: средние показатели для европейских стран приближаются к 51 году (наиболее молодые в Великобритании и Ирландии – 49, Польша – 55). Для США средний возраст женщины-политика несколько выше – 59 лет. Тренд на омоложение лидеров партий также касается и женского лидерства – средний возраст составляет 51 год; при этом более трети женщин – лидеров партий моложе 50 лет.

Можно говорить о том, что традиционное восприятие женщины как жены и матери накладывает определенный отпечаток на семейное положение женщин-политиков, избираемых в национальные парламенты. Из почти 74 % женщин, не скрывающих свое семейное положение, 81 % замужних, лишь 11 % незамужних и 7 % женщин разведенных. Лишь шесть из 748 женщин, попавших в представленную базу данных, открыто заявляют о том, что состоят в однополых отношениях. У 59 % женщин есть дети, при этом два ребенка и больше у 71 % женщин-депутатов. Следует также отметить, что довольно часто на своих персональных страницах и аккаунтах в социальных сетях женщины-политики делают особый акцент на том, что они являются материями, апеллируют к своему материнскому опыту (что более характерно для политиков консервативного толка, когда они высказываются по вопросам гендерного равенства).

Несмотря на многочисленные исследования взаимосвязи между образованием и политической активностью, мы все еще относительно мало знаем о «связи между уровнем образования политиков и их работой на посту». Анализ уровня образованности женщин в представительных органах власти подтверждает предположение о том, что среди активных участниц политического процесса будут преобладать обладательницы высокого уровня образования. Так, у 95 % женщин есть высшее образование. Среди них 27 % обладательниц квалификации магистра и 12 % обладательниц ученых степеней. Лишь 4 % женщин, заседающих в национальных парламентах выбранных стран, имеют среднее

профессиональное образование, а вообще не имеет специального образования только 1 % депутатов женского пола.

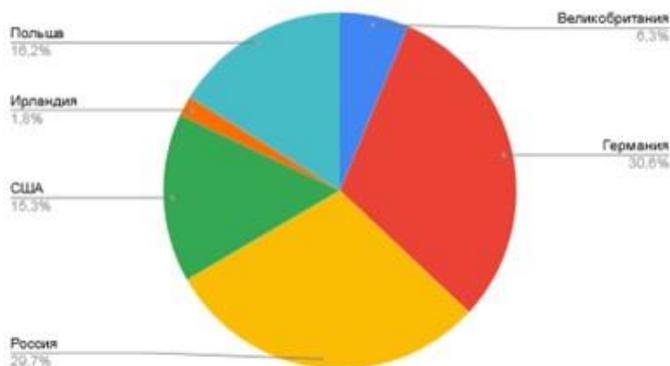

Рис. 4. Женщины-парламентарии с учеными степенями

При этом наибольшее количество женщин с учеными степенями заседают в парламентах Германии и России (рис. 4). Можно предположить, что столь высокий процент женщин с учеными степенями предполагает более требовательное отношение к женщине со стороны избирателя, так как более высокий уровень образования женщин-политиков для электората может свидетельствовать о том, что они достаточно компетентны для того, чтобы принимать решения в политической сфере. С другой стороны, эти данные могут свидетельствовать и о целевых группах, которые используют политические партии для рекрутирования своих сторонников и сторонниц и расширения своего представительства в национальных представительных органах.

Профессиональный опыт вне политики также присутствует у большей части женщин-парламентариев: у 88 % женщин есть опыт работы. Превалирующими сферами, в которых работали женщины-парламентарии, являются юриспруденция, экономика и бизнес, образование, что можно объяснить тем, что работа в этих сферах способствует получению навыков и знаний, которые

полезны для политической деятельности. Однако существенной связи между наличием определенного профессионального опыта и попаданием женщин в политику выявлено не было.

Говоря о конфессиональном составе населения рассматриваемых стран, следует отметить следующие тенденции. Во-первых, это преобладание различных конфессий христианского толка: православие в России, протестантизм в Великобритании и США, католичество в Польше и Ирландии, католичество и протестантизм в Германии. Помимо этого, следует отметить существенные различия в уровне религиозности рассматриваемых стран. В индексе, предложенном Исследовательским центром Пью, страны были проранжированы следующим образом: самый низкий уровень религиозности характерен для Великобритании и Германии (11 и 12 % соответственно), средний уровень характерен для России (17 %) и Ирландии (24 %), высокий уровень – для США и Польши (37 и 40 %). В ходе исследования была выявлена высокая отрицательная связь между показателем религиозности в стране и уровнем представленности женщин в предвыборных списках (r -Пирсона $-0,628$): чем выше уровень религиозности страны, тем меньше женщин выдвигалось партиями в ходе предвыборных кампаний.

В рамках анализа вопроса о соотношении уровня религиозности женщин-политиков интересно также отметить тенденцию в самопрезентации собственной религиозности. Только 32 % женщин-политиков, говоря о себе в интервью, на своих официальных страницах и аккаунтах в социальных сетях, открыто заявляют о своей принадлежности к той или иной конфессии.

При этом наибольшее количество женщин, говорящих о своей конфессиональной принадлежности, – американки (93 % обращают внимание на свою религиозную принадлежность) и немки (58 % обращают внимание на свою религиозную принадлежность), находящиеся на противоположных концах спектра религиозности. Внимание американок к собственной конфессии легко объяснить тем, что в США традиционно большая часть

внимания в рамках предвыборных гонок уделяется религиозности кандидата. В Германии это может быть связано с тем, что одним из доминирующих игроков на политической арене является партия, придерживающаяся идеологии христианской демократии, вследствие чего вопросы религиозной принадлежности кандидатов оказываются в центре внимания.

Рассматривая общий конфессиональный состав национальных парламентов, можно отметить преобладание среди женщин-политиков католичек. Интересно, что в целом в США протестантов больше, чем католиков, а в Германии число католиков и протестантов одинаково, однако с женщинами-парламентариями все наоборот: в Германии среди них больше католичек, а в США – количество католичек и представительниц протестантских конфессий примерно одинаково, однако делать выводы о превалировании среди депутатов женского пола той или иной конфессии невозможно, учитывая большой процент парламентариев, не афиширующих свои религиозные взгляды.

Эмпирические данные демонстрируют широкую представленность женщин на разных уровнях в партийной иерархии. Во всех рассматриваемых странах женщины не только выдвигаются в качестве кандидатов на выборах и получают депутатские мандаты, но и занимают значительную долю в президиумах партий. В 17 из 28 включенных в базу данных партий женщины занимают лидерские позиции. Случаи женского политического лидерства встречаются в четырех из рассматриваемых стран: Великобритании, Ирландии, США и Германии (показательно, что во всех этих странах индекс демократии выше 0,76). Можно говорить и о том, что на представленность женщин в президиумах партий в некоторой степени влияет институт квотирования (так, в среднем для партий, использующих квоты, уровень представленности женщин в президиуме будет 39 %, а для не использующих их – 29 %), однако устойчивой связи между этими показателями выявлено не было. При этом сильная положительная связь была установлена между количеством женщин в управляющем

аппарате партии и долей женщин в предвыборных списках и парламентских фракциях. На этом фоне особенно выделяются партии левого толка, так как в них процент вовлеченности женщин в активную политическую деятельность достигает самых высоких показателей, что особенно характерно для партий с экологической повесткой и вписывается в тенденции сращивания женской повестки с «зелеными» идеологиями, набирающими все большую популярность.

Несмотря на распространенное мнение о превалирующей роли гендерного квотирования в вопросе женского участия в политике, исследование выявило лишь слабый уровень корреляции (r -Пирсона 0,107) между государственным законом, принуждающим партии включать женщин в списки кандидатов на выборах, и дескриптивной репрезентацией женского пола в соответствующих фракциях представительных органов (кейсы Польши и Ирландии).

В большей степени, чем государственный закон, на представленность женщин в политике, как ни странно, влияют внутренние партийные решения о гендерных квотах. Так, была выявлена средняя положительная связь между наличием добровольно принятой партией гендерной квоты и женской представленностью в парламентской фракции (r -Пирсона 0,507). Поскольку в случае наличия государственного закона партии, хотя и вынуждены подчиняться требованиям, чтобы не потерять финансирование (как в Ирландии), не всегда в действительности стремятся выставить кандидатов женского пола, которые могут пройти в парламент. Напротив, когда решение о квоте не навязывается государством, а является сознательным выбором партии, осознающей необходимость модернизации, это приводит к росту представленности женщин в партийной фракции.

В исследованиях существует предположение о прямой зависимости между тем фактом, что в Швеции и Норвегии 40–44 % женщин в парламентах и 47–50 % в правительствах, и долей в доходах, принадлежащей женщинам, которая в Норвегии и Швеции

составляет соответственно 42,2 и 44,7 %. Анализ позволяет подтвердить предположение о значимости уровня дохода женщин: так, была выявлена высокая положительная связь (t -Пирсона 0,741) между показателями равенства доходов мужчин и женщин и уровнем представленности женщин в политических фракциях представительных органов.

Основным политическим капиталом женщин являются партийная карьера и общественный активизм. Для выявления основного механизма вовлечения женщин в участие в представительных органах власти учитываются два параметра: участие женщины в партийных структурах до вступления в должность (например, в молодежных партийных организациях) и политический внепартийный активизм женщины-политика до вступления в должность. Сопоставление этих параметров поможет выявить, приходят ли женщины в политику исходя из собственных политических интересов или их политические позиции оказываются связаны исключительно с партийной активностью.

Доля женщин, вовлеченных в партийные организации до вступления в должность депутата национального представительного органа, значительно выше, чем доля тех, кто был вовлечен в общественный активизм (90 против 22 % соответственно). При этом необходимо отметить, что из 222 парламентариев с активистским бэкграундом только 53 женщины не были ассоциированы с политическими партиями до того, как оказались выдвинутыми от них в парламент. Таким образом, видна тенденция к рекрутированию женщин политическими партиями вне зависимости от общественной активности женщины. Основным каналом попадания женщины в политику остается участие в партийном процессе.

Исходя из предположения о том, что женщины-политики будут защищать женские интересы и поднимать темы, наиболее актуальные для женской половины населения, в силу наличия общего опыта (дескриптивная репрезентация), был учтен показа-

тель наличия или отсутствия в повестке женщины-политика гендерной проблематики и ее основные характеристики. Однако следует отметить, что лишь 58 % женщин используют гендерную тематику в своей политической повестке. Несмотря на то, что логичным кажется предположение о том, что молодые женщины будут более заинтересованы в том, чтобы говорить о гендерных проблемах и путях их решения, для молодых политиков до 35 лет показатель остается примерно на том же уровне и составляет 61 %.

Можно говорить о влиянии региональных факторов на актуализированность гендерной повестки среди женщин-депутатов. Яркой иллюстрацией этого влияния являются США, характеризующиеся самым высоким процентом женщин-депутатов, имеющих позицию по гендерной проблематике. Повестка 95 % американских представительниц связана с их отношением к праву на аборт, что объясняется неугасающей дискуссией в США по этому поводу. Высокие показатели задействованной гендерной повестки можно наблюдать также в Ирландии, где проблема легализации абортов привела к популярности женской повестки как таковой. Значительно ниже показатели в России, Польше и Германии. И если для России и Германии низкий уровень вокализации гендерной повестки среди женщин-депутатов можно объяснить не слишком выраженными общественными дискуссиями по поводу положения женщин, то в Польше это связано с влиянием католической церкви на общественную повестку и длительным нахождением у власти консервативной партии «Право и справедливость», также не приветствующей дебаты по женскому вопросу.

В современном информационном обществе существование политиков вне социальных сетей представляется трудноосуществимым. Социальные сети становятся для современных политиков инструментом, позволяющим наладить прямой контакт с электоратом и повысить свою узнаваемость. Чтобы проследить степень успешности и вовлеченности женщин-политиков в сете-

вую активность, было проанализировано количество подписчиков в крупнейших социальных сетях: «Инстаграм», «Твиттер» и «Фейсбук» / «ВКонтакте». Отдельное внимание уделяется социальным сетям «Фейсбук» и «ВКонтакте» (в случае русскоязычных политиков), так как именно на базе этих платформ политики в свободной форме могут доносить свои политические воззрения и позиции до широкой аудитории. В дополнение к общему количеству подписчиков также были выявлены показатели среднего количества постов в месяц и уровень взаимодействия подписчиков с постами авторов, что может показать степень вовлеченности электората в поднимаемые женщинами-политиками на своих страницах проблемы.

Говоря о вовлеченности парламентариев женского пола в ведение социальных сетей, следует отметить, что наиболее популярной социальной сетью для женщин-политиков является «Фейсбук»: более 80 % женщин-политиков ведут страницы в «Фейсбуке» / «ВКонтакте», у 67 % есть аккаунт в «Твиттере», у 45 % – аккаунт в «Инстаграме». Медианное количество подписчиков в «Фейсбуке» составляет почти 5 тысяч при медианной вовлеченности аудитории в 0,71, что оценивается экспертами как средний показатель.

Достаточно редки случаи блогов-миллионников. Так, единственные три парламентария женского пола с более чем миллионом подписчиков в «Фейсбуке» – представительницы Демократической партии США: Ненси Пелоси, несколько раз являвшаяся спикером нижней палаты Конгресса, вице-президент США Камала Харрис и сенатор Элизабет Уоррен. Более миллиона подписчиков в «Твиттере» также только у семи американок-демократок. Интересно отметить, что все они продвигают гендерную повестку и придерживаются позиций защиты прав женщины на легальный аборт. Единственная женщина-политик, у которой 1,6 миллиона подписчиков в «Инстаграме» – Татьяна Буцкая, депутат Государственной Думы от партии «Единая Россия», первый

зампред Комитета по вопросам семьи, женщин и детей, выступающая против домашнего насилия, но при этом стоящая на пронационалистских позициях и возвеличивающая роль института семьи в государстве.

В целом следует отметить, что у американок в принципе значительно больше подписчиков в социальных сетях. По сравнению с медианой в 5 тысяч подписчиков во всех рассматриваемых странах для американок этот показатель будет составлять 22 тысячи. Помимо американок, наиболее популярны в сети «Фейсбук» страницы женщин-политиков из Великобритании, Польши и Германии. Говоря об общих тенденциях, характерных для наиболее популярных страниц (50 тысяч подписчиков и выше), следует отметить более высокий уровень медианной вовлеченности (0,91) и средний уровень медианной активности (0,85 поста в день).

Оценивая активность американских политиков в СМИ в 2019 г., группа исследователей пришла к выводу, что активность в социальных сетях, скорее всего, имеет наибольшее значение для членов партий меньшинства, аутсайдеров и экстремистов обоих концов политического спектра. Партийная принадлежность наиболее популярных женщин политиков вписывается в эту тенденцию. Исключением являются США, для которых характерно незначительное преобладание в социальных сетях демократок, чья партия находится у власти, над республиканками, что, однако, в целом характерно для американского политического ландшафта. Самые популярные в социальных сетях немки – представительницы партий «Альтернатива для Германии» и «Левая», находящихся на противоположных концах политического спектра, членов которых периодически обвиняют в экстремизме. В Великобритании это принадлежащие к оппозиции представительницы Лейбористской партии; в Польше – коммунистки, занимающие крайне левые позиции.

3.2. Женское представительство в британской палате общин: динамика развития

На протяжении XIX – первой половины XX в. британский парламент был (и воспринимался исследователями) неким закрытым элитарным сообществом, доступ к которому имели прежде всего представители аристократии. Так, У. Л. Гуттсман писал, что традиционно состав нижней палаты парламента в Англии был связан именно с верхами общества потому, что как минимум до появления массовых партийных организаций или групп давления вроде тред-юнионов, способных спонсировать кандидатов, баллотирование в парламент предполагало существенные траты (до 30 тысяч фунтов в XVIII в.), а значит, было доступно лишь обладателям солидных капиталов. Именно этим объясняется достаточно однородный состав британского парламента на протяжении всего периода до окончания Второй мировой войны, позволявший называть парламент «клубом пожилых мальчиков» (old boys' club). Действительно, типичный парламентарий конца XIX в. – это белый мужчина достаточно солидного возраста (48 % парламентариев, избранных в 1886 г., были старше 50 лет, а еще 28 % были в возрасте от 41 до 50 лет), являющийся землевладельцем или имеющий опыт предпринимательской либо юридической деятельности. В эпоху королевы Виктории парламент был местом, где сосредоточивались землевладельцы (хотя их представительство постоянно сокращалось), предприниматели и юристы, чья доля в палате общин неизменно увеличивалась. Так, Т. Дженкинс пишет, что в 1840-х гг. 90 % парламентариев-консерваторов были связаны с аристократией и землевладельцами, а либералы отличались от них не слишком существенно: даже в 1886 г. доля землевладельцев и крупных предпринимателей в их фракции в сумме составляла более 64 %.

С включением в двухпартийную структуру лейбористов, ориентированных на рабочий класс, социальный состав парламента в действительности изменился не слишком существенно,

поскольку сами лейбористы традиционно составляли меньшинство в палате общин: так, в период с 1929 по 1950 г. доля представителей рабочего класса в парламенте не превышала 25 % от общего числа депутатов (при том, что во фракции лейбористов в середине 1930-х гг. рабочие составляли абсолютное большинство депутатов).

Доступ в парламент для женщин был закрыт в Британии вплоть до реформы избирательного права, осуществленной правительством Д. Ллойд Джорджа в январе 1918 г., когда британки получили право избирать и быть избранными в парламент, однако отдельные женщины, появившиеся в палате общин с этого момента, не меняли политический климат в законодательном органе принципиально. Вплоть до 1992 г. женщина-политик была скорее исключением из правила, а доля женщин в общем количестве членов парламента в 1940–1980-х гг. не превышала 5 % и лишь на рубеже 1980–1990-х гг. стала приближаться к 10 %.

Среди женщин-парламентариев этого периода едва ли найдется больше пяти известных фигур, и не все из них продвигали повестку, связанную с доступностью политики для их соратниц. Так, приход к власти Маргарет Тэтчер, которая стала первой британкой, занявшей пост сначала лидера Консервативной партии (в 1975 г.), а затем в 1979 г. и место премьер-министра Великобритании, не повлек за собой ни «феминизации» партии консерваторов и их фракции в парламенте, ни введения женщин в правительственный кабинет. Тэтчер лишь однажды назначила женщину на важный пост: баронесса Янг была лордом – хранителем малой печати и председателем палаты лордов в 1982–1983 гг. Более того, именно в 1979 г. выборы привели к рекордно низкому числу женщин в палате общин. Неслучайно многие критики Тэтчер обращали внимание на то, что ее успех нет смысла рассматривать в контексте борьбы за женское политическое представительство. Справедливости ради отметим, что в более поздний пе-

риод возникла тенденция переосмысления вклада Тэтчер в развитие женского движения и феминизации британской политики и британской политической элиты.

И все же немногочисленность британских женщин-политиков действительно не давала возможности говорить о серьезной трансформации политической элиты в сторону большего гендерного баланса. Такое незначительное представительство женщин в парламенте связано, по мнению большинства исследователей, с тем, что вплоть до начала 1980-х гг. женщины, хотя формально и обладали правом голоса, фактически являлись пассивной категорией избирателей и тем более не стремились к участию в политической жизни страны. Во многом политическая индифферентность англичанок объяснялась сохранением традиционных представлений о месте женщины в обществе. Кроме того, сами женщины оставались наиболее консервативной частью британского общества. Они реже, чем мужчины, участвовали в голосовании и чаще голосовали за Консервативную партию. При этом основную массу голосовавших за консерваторов составляли немолодые женщины, в то время как более молодые предпочитали голосовать за лейбористов. Именно поэтому исследовательница П. Норрис, анализируя феномен гендерно-возрастного разрыва в политических предпочтениях британского населения, утверждала, что пожилые женщины гораздо более консервативны, чем их сверстники-мужчины, в то время как юные представительницы слабого пола в большей степени склонны к поддержке левых партий, чем молодые люди.

Таким образом, в течение второй половины XX в. обе ведущие политические партии Великобритании зарекомендовали себя как партии мужчин. Закрытость партий и их нежелание модернизировать состав собственной фракции в парламенте не могли способствовать расширению партийного электората, однако все более интересующиеся политикой женщины уже начиная с 1970–1980-х гг. стали восприниматься ведущими политическими партиями как потенциальный и очень важный электорат,

привлечь который можно было в том числе и большей представленностью в парламенте. И хотя серьезные трансформационные процессы с составом британского парламента развернулись начиная с 1945 г. (первые послевоенные выборы стали моментом беспрецедентного и до этого, и после этого обновления состава палаты общин: 51 % депутатов (324 из 650), избранных в нее в июле этого года, впервые оказались в должности члена парламента), именно в 1980-е гг. ведущие политические партии Британии, особенно проигрывавшие все выборы с конца 1970-х до конца 1990-х гг. лейбористы, осознали необходимость перетягивания женщин как электората на свою сторону. После нескольких подряд поражений на всеобщих выборах, связанных со значительным «полевением» партии, лейбористы осознали необходимость преодоления представления о себе как о партии, находящейся под господством мужчин. Поскольку привлекать и так голосующий за них электорат из этнических и расовых меньшинств лейбористам не надо было, они сосредоточились на привлечении голосов женщин, что объясняет столь существенное внимание лейбористов в 1980–1990-е гг. именно к проблемам гендерного равноправия и переход их к политике позитивной дискриминации.

В результате уже описанной политики женских коротких списков всеобщие выборы 1 мая 1997 г. ознаменовались необычайно большим числом избранных в палату общин женщин. Представительство женщин в парламенте выросло с 60 до 120; при этом были избраны 101 лейбористка, 13 женщин-консерваторов, три представительницы Либерально-демократической партии, три – Шотландской национальной партии.

Выборы 1997 г. были признаны историческим событием в продвижении женщин в британский парламента; при этом большинство исследователей полагают, что во многом оглушительный успех женщин был обусловлен именно политикой, проводимой лейбористской партией в 1993–1996 гг., поскольку 35 из 101 лейбористки были избраны на основе использования принципа пози-

тивной дискриминации в форме женских коротких списков. Интересно, что из 159 женских кандидатов от лейбористов победила 101 женщина (63,9 %), из 67 от консерваторов – лишь 13 (19,4 %), а из 142 от либерал-демократов – только три (2,1 %). Эти данные достаточно ярко демонстрируют, что в Консервативной партии основным барьером для женщин было выдвижение своей кандидатуры, поскольку лишь каждый десятый консервативный кандидат был женского пола. Что же касается либеральных демократов, то для женщин в их рядах главным препятствием стали сами выборы: хотя более 20 % кандидатов от либерал-демократов были женского пола, лишь 2 % победили (в то время как среди мужчин были избраны 9 % кандидатов).

Выборы мая 1997 г. способствовали не только резкому увеличению представительства женщин в британском законодательном органе, но и в целом существенному обновлению его состава: в то время как с 1979 по 1992 г. средний уровень обновляемости палаты составил 20 %, последние в XX в. выборы привели в парламент 245 новых членов, составивших 37 % от общего состава законодателей. Сто семьдесят восемь из них составляли новые члены лейбористской фракции, в то время как консервативное представительство в палате общин обновилось лишь на 20 % и по-прежнему позволяло говорить о партии как об узкой и элитарной компании белых мужчин старшего возраста (13 женщин, ни одного небелого депутата, средний возраст парламентариев от Консервативной партии – 50 лет).

По итогам выборов 2005 г., впрочем, количество женщин в палате общин увеличилось лишь на 10 % по сравнению с 2001 г. и на 8 % по сравнению с 1997 г., что сохраняло представительство женщин в парламенте на уровне менее 20 %. Таким образом, в течение 2000-х и первой половины 2010-х гг. ведущие британские партии не продвинулись серьезным образом в вопросе представительства в парламенте женщин. Хотя их доля несопоставимо выше доли небелого населения (на выборах 2010 г. было

избрано 143 женщины, на выборах 2015 г. – 191 женщина), представительницы женского пола до этого момента продолжали составлять менее 30 % от общего числа парламентариев. Однако уже выборы 2017 г. дали женщинам 32 % мест в палате общин, а по итогам выборов 2019 г. женщины-депутаты стали составлять большинство парламентариев от двух партий, продолжающих использовать практику женских коротких списков: в лейбористской фракции женщины составили 51 % депутатов, а во фракции либеральных демократов – 64 %. В 2019 г. был достигнут рекорд по представленности женщин и во фракции Консервативной партии: депутаты женского пола составили 24 % парламентариев этой фракции, что является существенным прогрессом для партии.

Таким образом, Великобритания, хотя не имеет обязывающего партии вводить гендерные квоты закона, демонстрирует устойчивый рост представленности женщин в парламенте и впервые в 2019 г. перешагнула критический порог в 30 % депутатов женского пола в нижней палате представительного органа.

3.3. Женское представительство в парламенте Ирландии

Согласно данным 2021 г., Ирландия занимает шестое место среди стран ЕС в индексе Европейского института гендерного равенства, что свидетельствует о серьезном прогрессе, который осуществила некогда крайне консервативная и находящаяся под влиянием католической церкви и религии страна. Однако, несмотря на такие высокие показатели (выше, чем в среднем по Европейскому союзу), хуже всего дело в Ирландии обстоит именно с представленностью женщин в сфере принятия решений, прежде всего – политических.

Так, согласно данным, представленным на сайте Европейского института гендерного равенства, страна занимает лишь 17-е место по политической представленности женщин (учитываются три показателя: доля женщин среди министров, членов парламента и членов региональных советов). Об этом же свидетельствуют разнообразные публикации в ирландских массмедиа, в

которых отмечается проблема недостаточной представленности женщин в сфере принятия политических решений. За 100 лет с момента формирования первого состава Доил Эрен 114 женщин и 1190 мужчин были депутатами нижней палаты ирландского парламента, что ярко свидетельствует о том, что участие женщин в политике на протяжении всего XX и начала XXI в. отличало Ирландию от других западноевропейских стран в худшую сторону.

Первая женщина в составе ирландского парламента появилась, как только Доил Эрен был создан, – в 1918 г. Констанс Маркевич, избранная в парламент, была активной участницей ирландской борьбы за независимость. Уже во втором составе парламента к ней добавилось пять женщин, однако постепенная переориентация ирландских мужчин-политиков на сотрудничество с католической церковью привела к тому, что первые успехи на политическом поприще не были закреплены, а в ирландском обществе распространилось католическое социальное учение, закреплявшее доктрину сепаратных сфер и ограничивавшее сферу женской активности браком и деторождением. Неудивительно, что на протяжении следующих 50 лет представленность женщин в нижней палате парламента Ирландии колебалась от 0,5 до 3,5 %, и лишь возрождение феминизма, как и в других странах, в конце 1960-х гг. способствовало началу обсуждения вопроса о значимости такого фактора, как представленность женщин в политике. В тот период более всего были готовы к внедрению женской повестки Лейбористская партия, находившаяся под влиянием профсоюзов, а потому поднимавшая вопросы женского труда, а также правоцентристская партия «Фианна Файл», которая возникла еще в 1926 г. и к этому десятилетию созревшая до продвижения идеи равной оплаты труда равной ценности и разрешения замужним женщинам работать в государственных учреждениях.

Впрочем, вопросы политического представительства женщин едва ли могли всерьез обсуждаться в Ирландии 1970–1980-х гг., так как влияние католической церкви было по-прежнему

слишком сильно. Патриархальные взгляды на роль семьи в жизни женщин определяли отношение политиков ведущих партий к идее активного проникновения женщин в представительные органы власти на протяжении всего XX столетия и приводили к тому, что ни сами женщины, ни партийные организации не поддерживали активно идею женского участия во всеобщих выборах. Об этом наглядно свидетельствуют данные о количестве кандидатов женского пола на выборах в Дойл Эрен: хотя на протяжении 1980–2000-х гг. шел постепенный рост представительства женщин в парламенте (впрочем, выборы 2000-х гг. продемонстрировали худшие показатели по количеству кандидатов женского пола), реальное изменение количества женщин в нижней палате Ойряхтаса произошло только после принятия в 2012 г. бурно обсуждаемого в Ирландии закона о гендерном квотировании. Гендерные квоты часто являются объектом критики, и ирландское общество не стало исключением. Так, одна из бывших лидеров партии «Фианна Файл» Мэри О’Рурк на протяжении всего обсуждения законопроекта о введении гендерного квотирования выступала против него, заявляя о несправедливом характере предложения и утверждая, что это дискриминация по отношению к женщинам и несправедливость по отношению как к женщинам, так и к мужчинам.

В этом отношении интересно составить социальный портрет женщин, баллотировавшихся в Дойл Эрен и ставших депутатами, для того чтобы понять, соответствует ли их квалификация требованиям, предъявляемым к парламентариям. Кроме того, в условиях закона о партийных квотах одним из вопросов становится вопрос о путях продвижения женщин в национальный представительный орган: является ли аффилиация с партией основным путем попадания в ирландский парламент?

Из 160 депутатов, избранных в феврале 2020 г., женщины составили всего 22,5 %, получив 36 мест в Дойл Эрен (в июле 2021 г. в результате довыборов количество женщин в парламенте увеличилось до 37, или 23 %). Наиболее значительное количество

депутатов женского пола (13 мест из 37, полученных в палате, или 35 %) среди тройки крупнейших партий Ирландии в нынешнем Доил Эрен имеет партия «Шинн Фейн», которая с 2018 г. возглавляется президентом женского пола Мэри Лу Макдональд (р. 1969) и которая в последней редакции своей программы (2020 г.) выступила за увеличение гендерного квотирования на выборах в Доил Эрен до 50 % и введение квоты в 30 % для министров и младших министров.

Второе место по представленности женщин во фракции занимает партия «Фине Гэл», потерявшая по итогам выборов лидирующие позиции и занявшая третье место: из 35 депутатов партии шесть – женщины. Фианна Файл, которая последнее десятилетие демонстрирует наименьшую приверженность идеям гендерного равенства, имеет фракцию в 38 депутатов, из которых лишь пять женского пола. Из более мелких партий, получивших места в нижней палате Ойряхтаса, нельзя не отметить социал-демократов, представленных четырьмя женщинами и двумя мужчинами. Это неудивительно: в 2015 г. партию основали и по-прежнему руководят ею Кэтрин Мёрфи (р. 1953) и Рошин Шорталл (р. 1954), ранее входившие в Лейбористскую партию.

Четыре члена Доил Эрен женского пола являются независимыми депутатами; две из них были инкумбентами на последних выборах, то есть занимали депутатские места с 2016 г. (Кэрол Нолан и Кэтрин Коннолли), одна уже имела опыт пребывания в Доил Эрен с 2002 по 2007 г. (Мэриан Харкин), и только одна была избрана в нижнюю палату Ойряхтаса впервые (Верона Мёрфи).

Выборы 2020 г. показали, что, с одной стороны, наличие государственного закона, требующего от партии выставлять не менее 30 % кандидатов одного пола, заставило ведущие партии сохранить примерно такое же количество кандидатов-женщин, как и на выборах 2016 г., однако в целом партии не стремились увеличить это число. Кандидаты женского пола, за исключением Шинн Фейн и социал-демократов, выступали на выборах не так успешно, как кандидаты мужского пола.

Из 36 депутатов Дойл Эрен женского пола у четырех не указаны даты рождения; средний возраст остальных – 48,5 лет, что соответствует среднему возрасту ирландских парламентариев в целом. Возраст самой молодой из женщин-депутатов, Клэр Керрейн (р. 1992), из Шинн Фейн – 29 лет; самой пожилой является уже упомянутая Кэтрин Мёрфи.

Данные о семейном статусе женщин-парламентариев 33-го состава Дойл Эрен (24 парламентария женского пола замужем, шесть не замужем, пять разведены, одна – вдова, одна имеет партнера) с учетом упомянутого среднего возраста депутатов свидетельствуют о том, что взросление и выбор жизненной траектории нынешних парламентариев прошли в тот период, когда в Ирландии все еще были сильны патриархальные стереотипы о семейно-брачном предназначении женщин. Об этом же говорит и тот факт, что на 37 депутатов в сумме приходится 70 детей: лишь семь парламентариев женского пола не имеют ни одного ребенка, а у одиннадцати (то есть 30 %) трое и более детей.

Уровень образования женщин-парламентариев Ирландии с 2020 г. достаточно высокий: за исключением трех депутатов, уровень образования которых не указывается в источниках, все остальные члены Дойл Эрен имеют высшее образование, из них по меньшей мере шесть имеют магистерские степени, а одна (Дженнифер Кэррол МакНил, депутат от партии «Фине Гэл») – степень PhD. Этим женщины-депутаты ирландского парламента отличаются от ирландских женщин в целом, уровень образованности которых несколько ниже: согласно данным 2019 г., 51 % ирландок имеют высшее образование. В этом отношении парламентарии представляют более элитарную группу, чем общество в целом. Что касается профессий женщин-парламентариев до попадания в сферу локальной или национальной политики, то преобладающими являются сферы образования, продаж и юриспруденции. Кроме того, среди нынешних членов Дойл Эрен жен-

ского пола есть те, кто сразу же был сосредоточен на профсоюзной или активистской работе, что также способствовало росту их узнаваемости и обеспечило в дальнейшем попадание в Ойрхтас.

Исследования показывают, что основным каналом рекрутирования женщин в национальные представительные органы являются политические партии. Часто это связано со стремлением партий продемонстрировать ориентированность на решение проблем той или иной группы, для чего представители миноритарной группы активно привлекаются в качестве кандидатов и политиков. При этом партии левого фланга в большей степени склонны к конкретным практическим действиям по обеспечению миноритарной группы представительства и голоса в политике, в том числе путем квотирования, а правые партии предпочитают обычно риторические стратегии, поощряющие женщин и другие меньшинства баллотироваться, но не предполагающие реальные действия по продвижению той или иной группы в представительные органы.

Ирландия не является исключением из вышеописанных моделей, и левые партии, такие как лейбористы, еще в 1980-е гг. стали активно привлекать женщин в собственные руководящие органы, брали на себя обязательства по их представленности в процессе принятия партийных решений и в числе кандидатов от Лейбористской партии. Что же касается более правых партий, то до начала 2010-х гг. они не выступали за гендерное квотирование, что неизбежно отражалось на незначительном количестве кандидатов женского пола на всеобщих выборах от этих партий: если среди лейбористских кандидатов уже в 1997 г. было около 27 % женщин, то у Фине Гэл до выборов 2016 г. их доля не превышала 17 %, а у Фианны Файл – 14 %.

При этом ирландская избирательная система (пропорциональная система с единственным передаваемым голосом) позволяет избирателям в большей степени, чем партиям, влиять на персональный состав партийных фракций в парламенте, так как при

ней избиратели голосуют не за партийные списки, а за конкретных людей. Кроме того, эта система создает более благоприятные условия для победы независимых кандидатов, что в целом демонстрируют ирландские выборы 2020 г.: из 160 депутатов, избранных в Дойл Эрен, 19 определяют себя как независимых политиков. Этот результат особенно показателен по сравнению с соседней Великобританией, мажоритарная система которой не позволяет независимым кандидатам получить места в парламенте (хотя на последних британских выборах 2019 г. было более 200 независимых кандидатов). При этом доля женщин среди независимых членов Дойл Эрен составляет 21 %, что ниже на 2 % доли женщин среди всех членов нижней палаты Ойрхатаса, а значит, независимый путь в политику не является более легким для женщин. Дело в том, что, как отмечают исследователи, в ирландской избирательной системе важны локализм и персонализм, но это означает, что независимый кандидат должен (должна) заработать себе узнаваемое имя, чтобы пройти в Дойл Эрен, и в этом смысле партийная машина все же лучше, чем независимая политика, работает на тех, кто баллотируется через партию.

Другими словами, быть независимым политиком для женщины – это не менее легкий, чем партийная дорога, путь попадания в политику. Выборы 2020 г. красноречиво свидетельствуют, что больше шансов имеют те кандидаты, которые продвигаются через партии, или те, кто был инкумбентом, то есть баллотировался(-лась) на то место, которое уже занимал(а) с предыдущих или более ранних выборов: так, из десяти женщин, победивших в своих округах всех остальных кандидатов, девять шли на выборы от партий (лишь одна – Кэтрин Коннолли – выступала как независимый кандидат), восемь были инкумбентами, и лишь две – Рида Кронин и Сорка Кларк (обе – Шинн Фейн) – не были депутатами Дойл Эрен до своей уверенной победы в феврале 2020 г. Если учесть рост популярности Шинн Фейн, засвидетельствованный на этих выборах (партия получила на 10,7 % голосов больше, что конвертировалось в дополнительные 15 мест в парламенте),

победа ранее не участвовавших в национальной политике женщин из этой партии не кажется удивительной.

Женский состав Доил Эрен с февраля 2020 г. достаточно ярко свидетельствует об основных путях попадания в национальную представительную политику: из 37 (учитывая победившую на довыборах июля 2021 г. Ивану Бейсик) женщин в нижней палате Ойряхтаса 21 до победы на всеобщих выборах работала в местных советах (советах графств). Таким образом, опыт работы на местном уровне напрямую влияет на возможность для женщин попасть на уровень национальной политики. Это также доказывает утверждение исследователей о значимости локализма в ирландской представительной политике.

3.4. Женское парламентское представительство в Германии (кейс АДГ)

В последние годы во всем мире все больше и больше женщин становятся парламентариями. Несмотря на стабильное увеличение женского представительства (34 % в 2021 г. по сравнению с 31 % в 2017 г.), Германия все равно остается на весьма скромной 42-й позиции по представленности женщин в парламенте.

Несмотря на это, можно говорить о том, что в Германии можно наблюдать повсеместное включение женщин в политический процесс: так, пять из шести немецких партий, входящих в Бундестаг, возглавляются женщинами. При этом, хотя в Германии не существует института гендерных квот на государственном уровне, большинство крупных игроков на политической арене вводят их самостоятельно. Так, институт гендерного квотирования применяется такими ведущими партиями, как СДПГ, ХДС, «Левая» и «Союз 90 / Зеленые». Можно, однако, говорить о том, что отсутствие гендерных квот не влияет на недостаточную представленность женщин на лидерских позициях – Альтернатива для Германии, отрицающая институт квот, уже на протяжении почти всей своей истории возглавляется женщинами, что, вероятно, в

большей степени связано с утилитарным подходом правых радикалов к проблемам женского представительства. Широко представлены женщины и в управляющих органах политических партий. Так, все партии, входящие в Бундестаг и придерживающиеся левых позиций, удерживают планку в 50 % женского представительства в президиумах, в президиуме Альтернативы для Германии 26,6 % женщин, блока ХДС / ХСС 22,7 %, у Свободных демократов 16,6 %. Самая большая в процентном соотношении парламентская фракция у Зеленых и у Левой, самая низкая у Альтернативы для Германии, что, впрочем, не мешает правым радикалам активно играть на поле гендерной проблематики.

Можно сказать, что Альтернатива для Германии – это скорее мужская партия, чем женская: по заявлению представителя партии Кристиана Люта, на 2018 г. из почти 29 тысяч членов партии 13 % составляли женщины. Тем не менее, несмотря на это, женщины активно участвуют в деятельности партии, занимая в ней ключевые позиции.

На выборах в Бундестаг 2017 г. от партии «Альтернатива для Германии» было избрано 94 депутата, 11 из которых женщины. Средний возраст депутатки правых радикалов составляет 47 лет, самой старшей из них – Франциске Гминдер – 73 года, самой младшей – Коринне Миазга – 35 лет. Семь из этих женщин замужем, у четырех представительниц партии есть дети, и только одна из них воспитывает детей вне брака. Практически все они получили университетское образование: большинство – в области юриспруденции, также есть один химик, один политолог и один учитель. Несмотря на то, что на их политическую карьеру оказало влияние наличие квот в политической системе страны, женщины Альтернативы для Германии также высказываются против этого механизма: Фрауке Петри, например, заявляя о том, что квоты «не являются верным путем к достижению равенства», обращала внимание на то, что женщина, получившая место по квоте, никогда не сможет быть уверена, получила ли она его благодаря своим личным качествам или лишь в силу того, что она

женщина, что также является, на ее взгляд, дискриминационным эффектом.

Из 25 рабочих групп Альтернативы для Германии женщины заседают в 12 группах, занимающихся следующими вопросами: внутренняя безопасность и миграция, защита потребителей, финансы и бюджет, сельское хозяйство, социальная политика, образование и наука, туризм, отношения с Евросоюзом, цифровые технологии. Самое крупное женское представительство можно наблюдать в рабочей группе по вопросам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи – четыре женщины против шестерых мужчин. Единственная рабочая группа, где нет количественного перевеса в пользу мужчин – это группа по расследованию террористического акта на площади Брайтшайдплац, состоящая из двух человек: Томаса Зейтца и Беатрис фон Шторх, еще одной заметной представительницы партии, представлявшей Германию в Европарламенте в 2014–2017 гг. и возглавляющей христианско-фундаменталистское крыло партии. Таким образом, хотя круг вопросов, с которыми работают представительницы Альтернативы для Германии, весьма широк, реально большинство во всех рабочих группах имеют мужчины.

Говоря о молодежной организации партии, «Молодой альтернативе для Германии», можно отметить, что в совет, состоящий из 12 членов, входят всего две девушки, которые отвечают за социальные медиа и организацию мероприятий, в целом не оказывая особого влияния на ориентиры организации.

В новостной повестке Альтернативы для Германии также преобладают мужчины. Не более 30 % официальных комментариев, размещенных в новостном разделе официального сайта партии, принадлежат женщинам. Первое место по упоминаниям в новостях с большим отрывом принадлежит Алис Вайдель, следом за ней – Беатрис фон Шторх. Прочие представительницы в официальных новостях партии практически не фигурируют. Таким образом, хотя возглавляет партию женщина, новостную повестку партии формируют все-таки мужчины.

3.5. Социальный портрет женщин-парламентариев России

В статье 19 Конституции Российской Федерации гарантируется равенство прав и свобод для всех граждан, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения. За прошедшие годы государство сделало многое, чтобы женщины имели равные с мужчинами права и возможности. Однако равенство достигнуто еще не во всех сферах деятельности. В Индексе гендерного неравенства вопросы политического представительства полов являются одним из четырех критериев, по которым определяется степень приближенности страны к идеалу гендерного паритета. Согласно данным Индекса гендерного неравенства (ИГН), являющегося комбинированным показателем Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), в 2021 г. Россия заняла 50-е место из 162 представленных стран, что свидетельствует о присутствии случаев нарушения гендерного паритета в некоторых областях жизни. Хуже всего обстоят дела с представленностью женщин в политике.

Согласно исследованию частной американской организации «Совет по международным отношениям» и принятому ими Women's Power Index, Россия в 2021 г. заняла 170-е место по политической представленности женщин (учитывались четыре показателя: количество женщин – глав государства с 1946 г.; процент женщин в Кабинете министров; процент женщин в парламенте и процент женщин в органах местной власти). Низкий уровень представленности женщин в органах власти напрямую влияет на степень ориентированности политики как на государственном, так и на местных уровнях решений проблем женщин, таких как репродуктивная политика, борьба с домашним насилием, обеспечение мер для сокращения гендерного разрыва в оплате труда.

В сентябре 2021 г. состоялись выборы в Государственную Думу РФ, и из 450 депутатов женщины составили 16,4 %, получив 72 места. Значительное количество полученных в Думе мест

имеет Единая Россия, являющаяся партией власти, в которой 65 из 325 мест занимают женщины. Второе место по представленности женщин в парламенте занимает партия КПРФ, из 57 депутатов шесть – женщины. Партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» имеет фракцию в 28 депутатов, из которых трое – женского пола. В результате выборов 2021 г. в Госдуму прошла партия «Новые люди», организовав фракцию из 15 депутатов, из которых трое – женщины. Одним из лидеров этой партии является Сардана Авксентьева, которая с 2018 по 2021 г. занимала пост мэра Якутска и проводила антикоррупционную политику в мэрии города, благодаря чему стала довольно популярной политической фигурой в стране. Будучи парламентарием в ГД РФ, она популяризирует образ женщины в политике. Одна женщина, входящая в Государственную Думу, является независимым депутатом (Оксана Дмитриева).

Средний возраст депутатов Государственной Думы женского пола составляет 51,7 лет, что соответствует среднему возрасту российских парламентариев в целом. Возраст самой молодой из женщин-депутатов, Ксении Горячевой (р. 1996) из партии «Новые люди», – 25 лет; самой пожилой является Валентина Терешкова – 84 года.

Данные о семейном статусе женщин-парламентариев VIII созыва Государственной Думы (39 депутаток замужем, 13 не замужем, три разведены, одна – вдова; информацию о семейном положении 16 депутаток найти не удалось) с учетом упомянутого среднего возраста депутатов свидетельствуют о том, что взросление и выбор жизненной траектории нынешних парламентариев проходили в советский период и в первое постсоветское десятилетие, в котором фактическим маркером успешности женщины являлась большая полноценная семья, несмотря на то, что по законодательству женщины были уравнены в правах и возможностях с мужчинами. Об этом говорит также тот факт, что на 72 депутата в сумме приходится 69 детей: восемь парламентариев женского пола не имеют детей, а у трех депутаток трое и более

детей. Информация о детях 19 депутатов женского пола отсутствует.

Уровень образования женщин-парламентариев России достаточно высокий: одна из них имеет среднее специальное образование, все остальные депутаты Государственной Думы женского пола имеют высшее образование, причем 20 из них имеют ученые степени. Что касается профессий женщин-парламентариев до попадания в сферу локальной или национальной политики, то преобладающими являются сферы юриспруденции, образования и технических специальностей. Кроме того, среди выбранных депутатов Госдумы есть те, кто был сосредоточен на профсоюзной и активистской работе, а также те, кто были известными спортивными и художественными деятелями, что способствовало росту их узнаваемости и обеспечило попадание в парламент.

Основным каналом рекрутирования женщин в национальные представительные органы являются политические партии. Но в России делается это не с целью демонстрации ориентированности на решение проблем, представителями которых являются женщины, а для создания образа гендерного равенства в политике. К тому же для усиления своих позиций в Государственной Думе фракции привлекают к себе известных людей (спортсменов, актеров, космонавтов и др.), но, как правило, эти люди не являются активными представителями своих миноритарных групп и не решают их проблемы.

Активным звеном являются политики, которые работали в региональных парламентах или занимали руководящие должности. Женский состав Государственной Думы с сентября 2021 г. свидетельствует об этом: из 72 женщин 43 имели опыт политической работы. Данный факт говорит о влиянии на возможность для женщин попасть на уровень национальной политики.

Анализ базы данных по членам Государственной Думы VIII созыва (с сентября 2021 г.) позволяет составить следующий

социальный портрет женщины-парламентария в Российской Федерации: это замужняя женщина 52 лет с двумя детьми, высшим образованием уровня «специалитет», возможно, имеющая ученую степень, работавшая в технической сфере, системе образования или имевшая юридическую практику, до попадания в парламент имевшая опыт политической работы в региональных органах власти и попавшая в политику через региональное отделение партии.

3.6. Женское представительство в польском парламенте

Согласно данным 2021 г., среди стран ЕС в индексе Европейского института гендерного равенства Польша занимает пятое место с конца, ниже среднего по Европейскому союзу, и это место она неизменно занимает уже на протяжении трех лет, что определенно свидетельствует о недостаточном развитии Польши в данном направлении. В числе прочего о прогрессе в женском вопросе опосредованно позволяет судить развитие ситуации с представленностью женщин в сфере принятия решений, прежде всего – политических. Проблема участия женщин в процессе принятия политических решений – это вопрос, который активно освещается и обсуждается в польской прессе по случаю каждых польских выборов. По данным Межпарламентского союза, на 1 июля 2019 г. женщины составляли 24,2 % всех депутатов национальных парламентов. Это демонстрирует медленный рост с 11,3 % в 1995 г. Польша занимает 54-е место в мире с 29,13 % женщин в Сейме, приблизившись вплотную, таким образом, к критическому порогу в 30 %, однако пока не достигнув его.

Вторая Польская Республика была одной из первых стран в мире, предоставивших право голоса женщинам. Более ста лет назад, 28 ноября 1918 г., через несколько дней после восстановления независимости Польши, глава государства Юзеф Пилсудский подписал Декрет о законе о выборах в Законодательный сейм. В статье 1 говорилось, что избирателем в Сейм может быть «любой гражданин государства, независимо от пола, достигший

21 года ко дню объявления выборов». Пассивное же избирательное право женщин было подтверждено статьей 7 того документа.

Женщины были представлены во всех каденциях парламентов межвоенного периода Второй Речи Посполитой. На первых же выборах в 1919 г. в парламент прошли семь женщин из 442 парламентариев: Габриэла Балицка, Ядвига Дзюбиньска, Ирена Космовска, Мария Мочидловска, Зофия Морачевска, Зофия Сокольницка и Францишка Вильчковакова, а затем в 1920 г. Анна Анастасия Пясецка выиграла место на дополнительных выборах. За весь дальнейший период существования Второй Республики (то есть до 1939 г.) места получили еще 27 женщин: между войнами состоялось пять парламентских каденций, и во всех женщины были представлены и в верхней, и в нижней палатах. В 2014 г. имя Зофии Морачевской было присвоено одному из залов, где заседают парламентские комитеты. Таким образом польский парламент отметил не только одну из первых женщин-депутатов в истории Польши, но и тот факт, что Польша имеет равные избирательные права для женщин и мужчин.

В ПНР доля женщин в парламенте была выше, чем в межвоенный период, но никогда не превышала 25 %; кроме того, в истории Народной Польши никогда не было женщин-мэров. В Третьей Польской Республике роль женщин в польской политике, в том числе в парламентской, систематически возрастает. В «контрактном» Сейме, избранном в июне 1989 г., места получили 62 женщины (13,5 % от общего числа депутатов), а на текущий (VIII) срок полномочий в 2015 г. в Сейм было избрано 125 депутатов женского пола. В настоящее время, после изменений в течение срока полномочий, их 134 – почти треть всех депутатов. Таким образом, в настоящее время после выборов 2019 г. в Польском сейме заседает самое большое количество женщин в истории польской парламентской демократии.

Существенный рост женского представительства в парламенте связан с тем, что еще на выборах 2011 г. впервые были использованы так называемые гендерные квоты. Сейм постановил,

что в списках кандидатов в Сейм количество женщин и количество мужчин не может быть менее 35 % от всех кандидатов в списке (статья 211, параграф 3 Кодекса о выборах).

Закон о квоте кандидатов на парламентских выборах – первая значительная победа Польского женского конгресса. Некоторые называют этот закон дискриминационным, но авторы документа были уверены в необходимости квоты. Агнешка Козловска-Раевич, госсекретарь по вопросам равенства, утверждает, что именно благодаря введению этой квоты партии начали интересоваться ролью женщин в политике, что способствовало увеличению женского представительства. Число женщин, прошедших в парламент, действительно выросло, но первоначально всего на 4 %, поскольку некоторые партии размещали имена женщин-кандидатов в самом конце списка, тем самым резко снижая их шанс быть избранными. Ввиду этого польские СМИ пристально изучают партийные списки не только на предмет представленности в них женщин, но на предмет того, какие места женщины в них занимают, как много женщин в первых пятерках или тройках предвыборных списков, а также есть ли женщины среди первых номеров списков.

В 2019 г. было зарегистрировано 3295 женщин-кандидаток для участия в выборах в Сейм. Каждая третья из них получила так называемое берущееся место по списку, то есть место с хорошими шансами на получение парламентского мандата. Доля женщин растет не только в парламентской статистике: женщины регулярно занимают высшие посты в парламенте и в государстве. Спикерами Сейма были Ева Копач и Малгожата Кидава-Блоньска. После 1989 г. в президиум палаты в качестве заместителя маршала Сейма входили: Тереза Добелинская-Елишевская, Ольга Кшижановская, Геновефа Вишневецкая, Ева Кержковская, Эльжбета Радзишевская, Ванда Новицкая, Барбара Дольняк, Малгожата Кидава-Блоньская и Беата Мазурек. Стоит отметить, что как в предыдущий, так и в нынешний срок полномочий Сейма

женщины составляют половину членов президиума Сейма. Канцелярией Сейма также руководит женщина – эту функцию выполняет Агнешка Качмарская. В течение многих лет женщины-депутаты также занимали самые важные посты в правительстве. Совет министров возглавляли Анна Сухоцкая, Ева Копач и Беата Шидло, заместителями премьер-министра были Изабелла Яруга-Новацкая, Зита Гиловска, в настоящее время эту должность занимает Беата Шидло. У Ивоны Щледзинской-Катарасинской самый долгий стаж работы среди всех действующих депутатов: она находится в Сейме уже восьмой срок, а Эльжбета Радзишевска и Анна Собецка в офисе уже в шестой раз.

В результате применения закона о квоте женщины в избирательных списках польских партий стали нормой. Последние выборы показали, что максимальное количество женщин готовы выставить в своих рядах представители левой части политического спектра: 46,6 % кандидатов-женщин в списках в 2019 г. и 44 % в 2015 г. представила Левица. Неудивительно, что в парламенте текущей каденции самое значительное женское представительство имеет именно партийный клуб Левицы – 43 %. Кроме того, в программе партии присутствует раздел, посвященный женскому вопросу, а представители Левицы выступали в стенах Сейма с манифестациями против решения Конституционного трибунала, ужесточившего осенью 2020 г. абортное законодательство в Польше.

В текущей парламентской каденции по итогам выборов 2019 г. средний возраст женщин-парламентариев составляет 54 года. Самой возрастной посланкой на Сейм является 80-летняя представительница Гражданской платформы Ивона Щледзинска-Катарасинска, старше всех в Сенате также представляющая Гражданскую платформу 84-летняя Барбара Борыс-Дамецка. Самой молодой женщиной-парламентарием является Клаудиа Яхира, вновь из Гражданской платформы. Большинство женщин-парламентариев замужем и имеют детей, как правило двух или

более. Подавляющее большинство женщин имеют высшее образование уровня магистратуры, лишь восемь имеют среднее либо среднее профессиональное образование, зато 11 парламентариев-женщин имеют ученую степень.

Интересно, что в религиозной Польше информация о религиозной принадлежности женщин-политиков практически отсутствует в открытом доступе. Лишь одна из парламентариев обозначает себя протестанткой и две заявляют о том, что являются атеистками. Подавляющее большинство депутатов (причем обоих полов), напротив, не обозначают своей религиозной принадлежности, что может означать их принадлежность к католической вере. Возможно, именно поэтому информация о вере не размещается на официальных страницах членов парламента, однако нельзя исключать и иных вариантов.

Подавляющее большинство парламентариев женского пола не являются новичками в парламентской работе: лишь 25 % из них не участвовали в работе предшествующих каденций национального парламента. Профессиональная деятельность женщин-депутатов крайне разнообразна: многие из них – экономисты по профессии; представлены педагоги, в том числе педагоги высшей школы; врачи, несколько предпринимательниц. В парламента подавляющее большинство женщин попадают через партию, и лишь 18, то есть менее 10 %, проявляли себя до попадания в Сейм в активистской деятельности, причем несколько из них отмечены еще деятельностью в рамках Солидарности периода подполья.

Таким образом, за столетнюю историю польского парламента женщины перестали играть в нем декоративную роль. Сегодня женщины-парламентарии представляют самые разные сферы общественной жизни, имеют разный возраст, характеризуются определенным традиционализмом в семейном вопросе и при этом играют все более активную роль в политических партиях. В то же время важно отметить, что исследователи замечают

тенденцию все более расширяющегося женского представительства в парламенте Польши.

Вопросы и задания

1. Прочтите следующий отрывок из параграфа 135 восьмого периодического доклада РФ о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин за 2014 год:

«Сфера государственного управления является высоко феминизированной. Женщины в составе государственных служащих составляют более 70 %. Создание в стране условий, необходимых для раскрытия интеллектуального, творческого, общественного потенциала женщин, его реализации, позволило привлечь в политику, в органы власти на руководящие посты немало ярких, высоко профессиональных женщин».

Как вы думаете, почему женщины занимают большинство мест как государственные служащие, но имеют лишь малое представительство в законодательных органах власти как на национальном, так и на локальных уровнях? Аргументируйте свой ответ.

2. Агентство Transparency International провело в 2014 г. исследование, согласно которому в странах с высоким процентом представленности женщин в парламентах демонстрируется более низкая оценка уровня восприятия коррупции. Попробуйте провести взаимосвязь между этими показателями. Какие факторы будут влиять на нее? Используйте дополнительную информацию из статьи Gender, equality and corruption (https://www.transparency.cz/wp-content/uploads/TI_Policy_Brief_GenderEqualityCorruption_EN.pdf).

3. Найдите исследовательские проекты и центры, посвященные исследованию женского представительства в политике. Можно ли по их количеству сказать, что данное направление обретает институционализацию в социогуманитарных науках?

Список рекомендуемой литературы

1. Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение / Консорциум женских неправительственных объединений; Ин-т социол. РАН. М., 2008. 177 с.
2. Зимин В. А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественных исследований. 2013. № 10. С. 297–299.
3. Овчарова О. Г. Политическое представительство женщин в России: теоретический аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. Вып. 3 (17). С. 168–172.
4. Степанова Н. М. Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт России и Великобритании // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 77–80.
5. Mackay F. Gender and political representation in the UK: the state of the 'discipline' // The British Journal of Politics and International Relations. 2004. No. 6(1). P. 99–120.
6. Sanbonmatsu K. Political parties and the recruitment of women to state legislatures // The Journal of Politics. 2002. No. 64(3). P. 791–809.

ГЛАВА 4. ЖЕНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Отдельную тему в исследовании политического участия женщин составляют вопросы о том, существует ли особый, «женский» взгляд на политику, доминирует ли женский взгляд на политику у женщин-политических деятелей, имеют ли женщины свой особый стиль работы в политике, отличающийся от мужского. Многие политологи феминистской ориентации утверждают, что использование специфического женского опыта может изменить сущность современной демократии. Это же подтверждают результаты многочисленных исследований. Так, английские ученые провели интервью с 39 женщинами – политическими деятелями Великобритании: большинство респонденток отмечали специфику женского взгляда на политику и заявляли, что женщины не имеют отличных от мужчин политических взглядов, однако имеют особый взгляд на политику в целом, особое восприятие политики. В то же время нельзя говорить о том, что женщины концентрируют свои усилия в отдельных сферах, связанных с женскими проблемами, поскольку все опрошенные занимались широким кругом вопросов: экологией, экономической занятостью населения, внешней политикой, финансами, здравоохранением, проблемой беженцев, социальной защитой и т.д.

Кроме того, женщин-политических деятелей отличает и специфический стиль работы. Большинство респонденток были уверены, что женщины более открыты для дискуссий, более способны выслушать другую точку зрения, менее конфликтны, более приспособлены работать в команде, лучше находят выход из спорных и тупиковых ситуаций и в целом более эффективно работают в команде, чем мужчины. Таким образом, опыт и стиль женского участия в политической жизни могут принести в ее перспективы и качество значительные изменения.

4.1. Power Dressing: женские визуальные образы как политические символы в XX в. и сегодня

Участие женщин в политике стало повсеместным явлением, но до сих пор принадлежность к женскому полу остается фактором повышенного внимания к таким политикам. Первая женщина – премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер говорила, что не думает о себе как о политике женского пола. Однако и в XXI в. женщины-политики все еще привлекают к себе, своим высказываниям и даже внешнему виду особое внимание. Показательными стали публикации в мировой прессе после того, как в 2016 г. новым лидером Консервативной партии, а значит, и премьер-министром Британии стала Тереза Мэй: авторы статей делали акцент не на профессиональных качествах Мэй, а на принадлежности к женскому полу, сравнивая ее с Тэтчер. Особое внимание пресса уделяла в том числе и внешнему виду Мэй: российские журналисты активно составляли рейтинги женщин-политиков по стилю их одежды, а британские таблоиды обыгрывали любовь нового премьер-министра к леопардовым туфлям.

Пример Т. Мэй свидетельствует, что внешний вид по-прежнему играет немаловажную роль и в том, как себя репрезентируют женщины-политики, и в том, как такого политика воспринимают избиратели. Опираясь на визуальные образы женщин-политиков в странах Запада XX – начала XXI в., можно проследить, как представительницы женского пола работают со своей принадлежностью к нему в публичном пространстве, выраженном в визуальной форме. Политика как «неженское» дело ставит участвующих в ней женщин в положение маргинала, оказавшегося не на своем месте, но нуждающегося в легитимации, в том числе визуальными средствами.

Традиционная невидимость женщин (в прямом и переносном смысле) стала отправной точкой для активисток женского движения в их борьбе за равные права. Неудивительно, что в таких условиях внешний облик становился неким политическим

символом: к началу XX в., когда суфражистское движение в Британии и США достигает своего пика, визуальные образы начинают восприниматься активистками борьбы за равные избирательные права как важный инструмент пропаганды. И хотя митинги и демонстрации проводились феминистками с момента зарождения движения в середине XIX в., именно в начале XX в. их организация вышла на новый уровень, позволивший исследователям говорить о «женском спектакле». Американские активистки первой волны феминизма так же, как британки, использовали в своей одежде разные символические цвета, однако особенно активно одевались в платья белого цвета, символизирувавшего женскую чистоту и искренность помыслов.

В результате белый цвет стал для американских женщин-политиков тем инструментом, который позволяет им почти столетие спустя отдавать дань своим предшественницам, добившимся предоставления женщинам США избирательного права. Когда в 1969 г. в Конгресс США впервые попала афроамериканка Ширли Чилхолм, она надела именно белое платье на празднование своей победы. Через 15 лет первая женщина – кандидат в вице-президенты от одной из двух ключевых американских партий Джеральдин Ферраро также отдала дань белому цвету суфражисток. Апелляцию к суфражистскому движению увидели и в одежде Хиллари Клинтон, когда в 2016 г. и на конвенции Демократической партии, и на третьих президентских дебатах она решила появиться в белом брючном костюме. Не менее символично было то, что Клинтон появилась в белом и на инаугурации своего противника Дональда Трампа, который вызвал широкую волну критики со стороны женского сообщества за сексизм и антифеминистскую повестку.

В случае Клинтон символическим жестом является не только выбор цвета одежды, но и решение надеть брюки, которое она приняла с момента начала собственной политической карьеры и которому не изменяет почти 20 лет. Известно, что основоположница американского женского движения в XIX в. Элизабет

Кэди Стэнтон уделяла серьезное внимание вопросу внешнего вида и одежды женщин и поддерживала движение за реформу женского платья, начатое Амелией Блумер. По имени последней были названы блумерсы – турецкие шаровары, которые феминистки середины XIX в. пропагандировали как удобную одежду, освобождающую женщину от сковывающих ее движения викторианских юбок. Женщины-политики во второй половине XX в. зачастую выбирали стиль одежды, маскирующий их принадлежность к женскому полу. Таким стилем стал стиль, получивший название *power dressing*, – стиль успешной женщины, которая предпочитает деловые костюмы, как бы стирающие ее сексуальность для окружающих мужчин и, наоборот, подчеркивающие ее профессионализм и целеустремленность.

Иконой и фактически родоначальницей этого стиля считается Маргарет Тэтчер, одежда которой стала каноническим примером *power dressing*. Надевая пиджак, являющийся изначально элементом мужского гардероба, Тэтчер, впрочем, всегда сопровождала его юбкой, призванной быть напоминанием о принадлежности премьер-министра к женскому полу. Исследователи отмечают, что выбор юбок, а также блузок и жемчужных ожерелий был сделан Тэтчер сознательно и преследовал цель смягчить ее образ «железной леди», добавив к нему образ «домохозяйки». Так или иначе именно Маргарет Тэтчер заложила основы делового стиля, которым во многом пользуются женщины-политики и сегодня. Правда, в отличие от Тэтчер, значимые женщины-политики начала XXI в. (к примеру, Ангела Меркель и Хиллари Клинтон) предпочитают брючные костюмы, которые позволяют полностью сместить акценты с их внешности на их идеи.

Об этом пишет в своей книге 2017 г. Хиллари Клинтон, отмечая, что выбрала брючные костюмы в том числе потому, что они вынуждают людей (и прежде всего освещающих ее компанию журналистов) сконцентрироваться на том, что она говорит, вместо обсуждения того, как она выглядит. Впрочем, и такой стиль Клинтон вызвал задолго до президентской гонки 2016 г.

бурю обсуждений и критики политика в недостаточной женственности, высокой стоимости одежды или неуместно ярких цветах.

Обострение внимания к одежде Хиллари Клинтон предсказуемо произошло во время президентской гонки 2016 г., когда сторонники кандидата в президенты США создали группу в «Фейсбуке» с более чем 2,5 миллиона подписчиков, провели флешмоб на улицах Нью-Йорка и призвали голосовать за Хиллари, приходя на избирательные участки в брючных костюмах. История с выборами 2016 г. убедительно демонстрирует, что брючный костюм Хиллари стал больше чем выбором в сфере моды; он превратился в политический жест солидарности с женщинами, рискующими включиться в политическую игру и стать объектами критики за свой визуальный образ.

Клинтон формулирует в книге еще одну важную идею, объясняющую основное предназначение *power dressing*: этот стиль призван продемонстрировать, что женщина, участвующая в политической гонке, и похожа на мужчин, и в то же время отличается от них (именно поэтому политики женского пола, к примеру, позволяют себе деловые костюмы более ярких цветов, чем мужчины).

Именно это стремление минимизировать внимание к факту принадлежности политика к женскому полу стало еще одним аспектом критики Клинтон, поскольку такой выбор можно расценивать как стремление подстроиться под стандарты визуальных образов, существующие в мужском политическом пространстве. В отличие от 70-летней Клинтон, многие более молодые политики женского пола предпочитают отстаивать свое право заниматься политикой и не отказываться от своей женственности или даже играть с ней. Вопрос о том, можно ли быть политиком и не скрывать свою принадлежность к женскому полу, решается многими молодыми политиками совсем иначе: они отстаивают свое право на любовь к красной помаде, ярким волосам, коротким юб-

кам и высоким каблукам. Так, самая молодая избранная в Конгресс США представительница Демократической партии Александрия Окасио-Кортес еще во время избирательной кампании отстаивала свое право вести себя и выглядеть так, как удобно ей. Она использует красную помаду, надевает дизайнерские наряды и даже приняла участие в фотосессии для интервью в костюме за три тысячи долларов, чем регулярно вызывает волны критики со стороны консервативных журналистов и политиков, обвиняющих ее как политика с социалистическими взглядами в лицемерии.

Впрочем, и среди политиков старшего поколения можно найти тех, кто отстаивает право женщины, включенной в политическую борьбу, интересоваться модой и одеваться не в соответствии с требованиями имиджмейкеров, а на основе собственных пристрастий. Самым ярким примером является Тереза Мэй, известная своими дизайнерскими нарядами и яркой обувью, которая заявила еще в 2015 г., что женщина может быть умной и любить наряды, что не должно мешать ее карьере.

Итак, проблема визуального образа и в начале XXI в. стоит для женщин-политиков гораздо острее, чем для их коллег мужского пола. Представительницы женского пола неизбежно вынуждены вырабатывать свое отношение к тому, как выражать себя в публичном пространстве, в том числе в визуальной форме. Многие предпочитают стиль *power dressing* как вариант минимизации внимания к собственной гендерной принадлежности, однако влияние феминизма, как представляется, приводит к осмыслению женщинами-политиками их права быть самими собой и не уступать обществу в его желании обсуждать лишь внешний вид женщины-политика, а также заявлять о том, что визуальный образ – это собственный выбор женщины, который не может подвергаться сомнению или критике.

4.2. Женское лидерство в консервативных организациях (на примере АдГ)

Традиционно праворадикальные движения и партии рассматривались как исключительно мужская вотчина, отстаивающая интересы белых консервативно настроенных мужчин. Однако на современном этапе прослеживается тенденция, согласно которой количество успешных женщин-политиков, стоящих во главе видных правых популистских партий в Европе, ставит под сомнение такой взгляд, а понимание праворадикальных партий как исключительно партий «мужчин-харизматиков» уходит в прошлое.

Важно также отметить, что праворадикальные партии часто характеризуются как партии харизматического типа, для которых очень важна именно личность человека, возглавляющего партию, поэтому можно предположить, что появление женщин в числе лидеров партий свидетельствует о том, что приоритеты правых организаций меняются. Пример Альтернативы для Германии весьма показателен в этом отношении: партийные списки этой праворадикальной партийной организации возглавляли подряд две очень разные женщины. Исходя из гипотезы, что первое лицо партии определяет то, как подается партийная политическая повестка, предлагается проследить, как именно изменилось позиционирование женщин-лидеров Альтернативы для Германии на примере Фрауке Петри и Алис Вайдель.

Фрауке Петри, стоявшая у истоков основания Альтернативы для Германии, достаточно быстро закрепились на ведущих позициях в партийной иерархии и политической жизни всей страны. Уже в 2015 г. она не только возглавила немецких правых, но и стала второй самой обсуждаемой женщиной-политиком в стране.

Когда Петри начала строить свою партийную карьеру, основной сферой ее деятельности были проблемы иммиграции. Свен Петри, бывший муж Фрауке, вспоминал, что предлагал ей заняться проблемами семейной политики, сферой, гораздо более

близкой для молодой женщины с успешной карьерой и четырьмя детьми. Петри, однако, ответила, что иммиграционная проблема – это важный вопрос, которым к тому же никто больше не хочет заниматься. Впоследствии именно Петри станет тем человеком, под чьим лидерством Альтернатива для Германии станет ассоциироваться именно с антимигрантской политикой, о необходимости внедрения которой Петри говорила с самого начала. Требования закрытия границ, запрета на ношение хиджаба и строительства минаретов – вот те позиции, которые лежали в основе взглядов Петри и определяли политическую повестку партии. Своим главным политическим методом Петри называла провокацию, как вынужденный способ привлечения внимания для маленькой партии. Можно говорить, что Петри одновременно играет две роли: с одной стороны, она уверенный политический игрок, выступающий за жесткие ограничения в миграционной политике, с другой – дважды замужняя (первый муж протестантский пастор, второй – коллега по партии) мать пятерых детей, химик по образованию, успешный предприниматель и политический деятель.

В СМИ часто обращали внимание на то, насколько начало жизненного пути Фрауке Петри схоже с ранними годами Ангелы Меркель. Обе они родом из Восточной Германии, обе получили образование в области химии, а затем и докторские степени, обе построили успешную политическую карьеру. Однако сама Петри часто обращала внимание на ключевое, на ее взгляд, отличие между ней и канцлером Германии – материнство. В частности, в 2016 г. Петри даже заявила о том, что неудачи Меркель в политике связаны с ее бездетностью. Петри часто говорила о том, что материнство никак не мешает ее политической карьере, однако отмечала, что иногда становится сложно совмещать эти две роли.

Тот факт, что партию возглавляла не просто женщина, но и многодетная мать, позволил Альтернативе для Германии сосредоточиться на консервативной семейной политике, апеллируя к образу Фрауке Петри как образцу идеальной немецкой женщины,

находящей время на карьеру и на семью. Главный упор в отношении семейной политики периода лидерства Петри делается на проблеме увеличения рождаемости. Для Петри семейная политика связана прежде всего с демографической политикой. С такой позицией были связаны также попытки внести в программу партии положения, стимулирующие немецких женщин заводить как минимум трех детей. Дети признаются главной ценностью, а Альтернатива для Германии – единственной партией в Германии, которая хочет сохранить эти ценности на благо общества. В этом отношении Петри также обращает внимание на то, что является матерью, а потому более заинтересована в создании стабильного и процветающего будущего Германии.

В образ идеальной женщины немецких правых не вписывался, пожалуй, лишь развод и последующие отношения с коллегой по партии Маркусом Претцеллем. Однако на вопросы о том, насколько человек, придерживающийся менее традиционной модели семьи, чем та, за которую борется партия, может выступать защитником консервативных идеалов, Петри отмечала, что она вполне способна на это.

Образ Фрауке Петри как матери оказался важен и для праворадикальных СМИ. Так, на страницах журнала *Compact*, неофициального печатного органа немецких правых, Юрген Элсасер, главный редактор журнала, отмечал, что Петри в гораздо большей степени заслуживает эпитет *Mutti*, ассоциируемый с Меркель, а также писал о привлекательной внешности лидера Альтернативы для Германии, сравнивая ее с Одри Хэпберн в «Завтраке у Тиффани» (такая аналогия стала весьма популярной на страницах печатных изданий и интернет-порталов, ориентированных на правых). Впрочем, на подчеркнутую женственность и мягкость образа Петри обращали внимание и ведущие издания Германии, в частности на страницах *Spiegel* внимание уделялось ее теплой улыбке и веселому смеху. Таким образом, Петри прочно стала ассоциироваться с «улыбающимся лицом» партии, несмотря на свои жесткие высказывания.

Можно предположить, что именно для смягчения своего образа Фрауке Петри активно привлекает свою семью и сосредоточивает внимание прессы и общественности на том, что она прежде всего является обычной женщиной и матерью. Начиная с того момента, когда еще в 2013 г. на одном из партийных мероприятий она пригласила на сцену своих мужа и детей, и заканчивая интервью для журналов светской хроники. Чем более агрессивной становилась риторика Альтернативы для Германии, тем сильнее Петри работала над тем, чтобы предстать перед людьми обычной женщиной.

Апогеем вовлеченности семьи Петри в политику стала предвыборная кампания 2017 г., когда значительный ажиотаж был вызван тем, что на партийных плакатах с вопросом «А какая у вас причина бороться за Германию?» Фрауке Петри держала на руках своего новорожденного сына Фердинанда. Плакат был выполнен в крайне минималистичном стиле: на голубом фоне Фрауке Петри в светлой классической рубашке, из украшений на ней привлекало внимание разве что обручальное кольцо, аккуратно держала на руках ребенка, обращенного лицом к камере. Следует отметить, что использование детей в политических кампаниях крайне нетипично, а уж тем более из ряда вон выходящим предстает тот факт, что лицо ребенка на плакате ничем не закрыто.

В прессе высказывалось мнение о том, что Петри сначала не решалась использовать своего ребенка в предвыборной кампании, однако она была вынуждена согласиться на этот шаг из-за внутрипартийной борьбы, разгоревшейся накануне выборов 2017 г. Помимо того, что образ Петри все чаще стали критиковать уже праворадикальные новостные ресурсы, ее репутация пошатнулась после скандала с дачей ложных показаний, а партия отказывалась согласиться с более умеренным курсом, который был ею предложен. В конечном итоге она попыталась сделать ставку на свой классический образ матери и политика, однако ее решение вызвало шквал критики в адрес Альтернативы для Германии.

Сразу после успеха партии на выборах Петри заявила о том, что приняла решение покинуть Альтернативу для Германии.

Алис Вайдель стала той женщиной, ставка на которую партией была сделана сразу после выхода Петри из партии. Важно отметить, что на сегодняшний день Вайдель является одним из двух лидеров, наравне с Александером Гауландом, представляющим крайне правое крыло партии. На примере выдвижения в первые ряды партии Вайдель и Гауланда можно говорить о том, что образ семейного политика потерял для Альтернативы для Германии свое значение. У Гауланда уже взрослая дочь, и его образ типичного правого радикала способен сам себя зарекомендовать для типичных сторонников праворадикальных организаций.

Вайдель, изначально придерживавшаяся более либеральных взглядов, тем не менее заявила о том, что готова сотрудничать с крайне правыми альтернативщиками, что привело к тому, что Петри, в частности, обвинила ее в оппортунизме, бессодержательности и необузданных амбициях. Свою политическую позицию Вайдель выражает следующим образом: либерал в экономических вопросах, консерватор в социальных вопросах.

Алис Вайдель предстает весьма нетипичным выбором для лидера консервативно ориентированной Альтернативы для Германии. После окончания университета, в котором она изучала экономику и получила докторскую степень, Вайдель долго время работала банкиром, жила в том числе в Китае, занималась фрилансом в области делового консалтинга. Биологических детей у нее нет, однако она воспитывает двух приемных детей в гражданском союзе с Сарой Боссард. В противовес Петри Вайдель мало говорит о своей частной жизни. Отдельного внимания заслуживает эпизод во время предвыборной кампании в Фирнхейме, когда Алис Вайдель решила рассказать о своей личной жизни. В сентябре 2017 г. она впервые официально заявила о том, что является лесбиянкой.

Сексуальная ориентация – единственная сторона личной жизни, которую Вайдель использует в политических целях, заявляя о том, что это доказывает толерантность партии. Биография Вайдель и отдельные характеристики ее личной жизни позволяют ей производить впечатление человека, придерживающегося определенных прогрессивных взглядов. А это означает тот факт, что человек, казалось бы, во всем противоречащий картине мира немецких правых, но разделяющий их точку зрения, может заставить нетрадиционный для Альтернативы для Германии электорат задуматься о том, что, возможно, эта партия не так плоха, как они считали.

Следует также отметить, что, хотя Вайдель предпочитает не говорить про своих детей, эта тема по-прежнему остается актуальной. Говоря о тех изменениях, которые пытается инициировать Альтернатива для Германии, Вайдель подчеркивает, что делает это ради своих детей и хочет в будущем избежать упреков в том, что она не пыталась что-то сделать. Однако в целом, Вайдель все же предпочитает сосредоточиваться на своем опыте в сфере бизнеса и использовать его для решения экономических проблем, стоящих перед Германией.

Таким образом, можно говорить о том, что, сформировавшись как традиционная правая радикальная партия, Альтернатива для Германии создала притягательный образ в лице Фрауке Петри для смягчения своей консервативной повестки. Многодетная мать с постоянной улыбкой на губах, находящая оправдания той жесткой политике, инициатором которой была она сама, на протяжении нескольких лет успешно поддерживала свой нежный и женственный образ. Однако, изначально сделав ставку на образ обычной женщины и матери в лице Фрауке Петри, Альтернатива для Германии столкнулась с тем, что Петри стала сама слишком активно эксплуатировать этот образ в СМИ, иногда нанося репутационный ущерб другим представителям партии. Тогда Альтернатива для Германии достаточно быстро отреагировала на изме-

нения в общественно-политической повестке современной Европы и предпочла пойти по пути завоевания голосов нетрадиционного для правых электората. Образ Алис Вайдель, абсолютно не типичный и несовместимый с образом классического правого радикала, позволяет говорить о том, что Альтернатива для Германии старается привлечь к себе молодежь, ориентированную на карьеру, а не на семью, и представителей сексуальных меньшинств и пытается создать впечатление толерантной партии современного образца.

Вопросы и задания

1. Проведите анализ визуального образа женщин-депутатов в вашем населенном пункте. Характерно ли для них следование гендерным стереотипам в том, как они одеваются и выглядят, или их можно назвать теми, кто выступает за *power dressing*?

2. Используя агитационные материалы с последних выборов, составьте облако тэгов для женщин, баллотирующихся в представительные органы. Можно ли утверждать, что женщины-политики действительно чаще поднимают темы, связанные с положением женщин?

3. Как вы понимаете слова Ирины Хакамады о том, что «проблема участия женщин в политической жизни страны – это не проблема женщин»?

Список рекомендуемой литературы

1. Богданова О. С. Гендерные аспекты политического лидерства // Социология власти. 2010. № 6. С. 151–159.

2. Бурлак Т. А. Женские политические элиты в Латинской Америке // Латинская Америка. 2014. № 6. С. 53–61.

3. Бушуева Н. В. Сравнительный анализ мужского и женского политического лидерства // Власть. 2010. № 5. С. 27–29.

4. Бушуева Н. В. Гендерный подход к изучению политических лидеров (по материалам зарубежных исследований) // Социология власти. 2010. № 2. С. 142–152.

5. Шепелева Ю. Л. Специфика женского политического лидерства и его востребованность в условиях современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 2. С. 217–223.

6. Campus D. Women Political Leaders and the Media. Palgrave Macmillan, 2013.

7. Women political leaders: the impact of gender on democracy / eds J. Hoare & F. Gell . Oxfam, 2009.

Учебное издание

Вершинина Дарья Борисовна,
к.и.н., доцент кафедры истории и археологии ПГНИУ

Бурмистрова Екатерина Сергеевна,
ассистент кафедры истории и археологии ПГНИУ

Тимофеева Ольга Валерьевна,
старший преподаватель кафедры истории и археологии ПГНИУ

Снигирев Сергей Алексеевич,
аспирант Института всеобщей истории РАН

ПОЛИТИКА РАВНЫХ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН

Учебное пособие

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Д. Е. Булатова*
Компьютерная верстка: *Д. Б. Вершинина*

Объем данных 1,26 Мб
Подписано к использованию 27.12.2022

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15